

Инна Багшинская

Детектив
сильных
страстей

Пепел сердца

Детективный триумvirат

Инна Бачинская

Пепел сердца

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Пепел сердца / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2016 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-92601-5

Федор Алексеев был уверен, что забыл свою институтскую любовь Агнию, которая, не попрощавшись, вышла замуж за успешного бизнесмена намного старше нее. Однако стоило Агнии спустя пятнадцать лет просто подойти к нему в кафе, как оказалось, что ничего не забыто. Эта встреча и последовавшие за ней тайные свидания всколыхнули в Федоре настолько сильные чувства, что он был готов полностью изменить свою жизнь ради Агнии. Но вскоре он узнал чудовищные новости: муж Агнии получил анонимку с фото, на котором его жена целуется с другим, и убил ее любовника, которым оказался его давний знакомый и почти деловой партнер... Многие в этой истории смущало Федора, и он решил разобраться, что же в действительности произошло. И чем глубже он погружался в это дело, тем лучше понимал, что совсем не знает эту женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92601-5

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Инна Бачинская

Пепел сердца

© Бачинская И.Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Прощальные стихи
На веере хотел я написать —
В руке сломался он.*

Бесе (1644–1694)

*Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их
с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

Человек за письменным столом некоторое время с недоумением рассматривал конверт из плотной бумаги. Обратный адрес был неразборчивым, подпись – незнакомой. Пожав плечами, он разрезал костяным ножичком конверт и достал цветную фотографию. С изумлением узнал на фотографии свою жену с мужчиной! Мужчина стоял вполборота к зрителю, обнимал женщину за плечи... Они целовались! Ее рука – на щеке мужчины... была у его жены такая манера – при поцелуе гладить по щеке... оказывается, не только мужа.

– Ужин на столе! – услышал он голос жены, появившейся на пороге.

Он вздрогнул и повернулся к ней. Шагнул из-за стола, тыча ей в лицо фотографию. Она вскрикнула и отступила, и тогда он с остервенением ударил ее. Рука у него была тяжелая. Она закричала и отшатнулась.

– Что это? – рявкнул он.

Она смотрела с ужасом, размазывая по лицу кровь.

– Что это, я спрашиваю? Ты... дрянь! Сука! Мужика завела? Убью!

Войдя в раж, он выплевывал страшные ругательства и бил наотмашь. Она закрывалась руками и пыталась увернуться...

Глава 1

Встреча

*Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?*

Р. Бернс. Забывать ли старую любовь...

В «Белой сове» хороший кофе. Федор Алексеев заскакивает сюда по пути в университет. Сейчас лето, занятий нет, спешить некуда. Турки говорят, кофе должен быть сладкий, как любовь, и крепкий, как дружба. И еще чуть-чуть сливков. А потом запить водой, и тогда долго еще будет сохраняться во рту божественный вкус.

Народу в городе мало, все разъехались. «Сова» почти пуста. Хотя заведение славится больше как ночной клуб с классной программой, а днем сюда заскакивают в основном белые воротнички из окрестных офисов. Здесь прохладно – работает кондиционер, на потолке неторопливо кружит лопастями громадный вентилятор, и уютно мигает над стойкой бара телевизор с выключенным звуком.

Федор отпивает кофе и правит статью «О толерантности и кросс-культурных связях в XXI веке с позиций философской науки». О толерантности хорошо поговорить с друзьями – Савелием Зотовым и капитаном Колей Астаховым. С первым проще, со вторым сложнее, так как капитан считает тему розовыми соплями. Соблюдайте закон, говорит капитан, и будет вам толерантность. С маленькой поправочкой: не толерантность, а справедливость. Толерантность – это когда тебе гадят на голову, а ты уговариваешь себя потерпеть, потому что у него было трудное детство.

Савелий Зотов, старинный друг Федора, как было уже упомянуто, трудится главным редактором отдела «дамской» литературы местного издательства «Арт нуво», по убеждениям он гуманист, а по характеру просто добрый человек. У него прекрасная жена и двое детей, Настенька и Герман.

Капитан Астахов же, бывший коллега Федора... А что такое капитан Астахов? Бытие определяет сознание, сказали когда-то умные люди. Капитан занят погонями, перестрелками, засадами и убийствами, он всякого навидался. Откуда тут взяться толерантности? Кроме того, он воспитывает гражданскую жену Ирочку, легкомысленную модельку, с позволения сказать, из мастерской кутюрье Рощенко, Рощик для своих, которая далеко не подарок. Взять недавний случай! Любимая рубашка капитана... вспоминать не хочется! И главное, всегда одно и то же. Капитан уже и зарок себе давал, что его рубашки для Ирочки табу, но, когда она говорит, да ладно, Коля, давай я поглажу, он тает и снова подставляется. Почему «с позволения сказать»? Потому что Ирочка никакая не моделька, ей бы росточку добавить, сокрушается Рощик и при этом очень ее хвалит, говорит, без нашей Ирины как без рук. Старший, куда пошлют, называет статус Ирочки капитан, а еще пришей кобыле хвост! Он много чего говорит в том же духе, к счастью, Ирочка пропускает его слова мимо ушей и не заикливается – идеальные супружеские отношения, можно сказать. И никаких обид.

Федор Алексеев когда-то был оперативником, коллегой капитана Астахова, в настоящее время он преподаватель философии местного педагогического университета. Резко поменял род занятий и жизненный уклад, сбросил военный мундир и облачился в академическую тогу, так сказать, и до сих пор не уверен, что поступил правильно. Другими словами, он испытывает

что-то вроде фантомных болей, скучает по оперативной работе и раздумывает, а не открыть ли свое собственное частное агентство. Савелий Зотов готов помочь финансово: «Ты только скажи, Федя!» Ладно, обещает Федор, я подумаю. Философия ему тоже нравится, по складу темперамента он мыслитель и аналитик. Студенты его любят, коллеги уважают. О нем в университете ходят легенды, все знают, что ни одно резонансное дело в городе не распутывается без Философа. Философ, как вы уже поняли, кличка Федора, придуманная студентами. Ребяшки взапуски обезьянничают, копируя манеру Федора расхаживать по аудитории, иронически подняв бровь, ожидая ответа на каверзный вопрос; а еще все обзавелись длинными черно-зелеными клетчатыми шарфами, длинными белыми плащами, а самые смелые замахнулись даже на шляпу с полями, из-за которой Федора можно узнать в любую погоду на любом расстоянии. Иногда Федор является на урок в черных очках, потом, забывшись, нечаянно снимает их, и все видят сочный синяк у него под глазом. Стон восхищения пролетает по аудитории – это значит, что Философ подрался с ооп – особо опасным преступником, и тогда вся группа в знак солидарности тоже надевает черные очки. Представляете себе – вся аудитория в черных очках! Прямо тебе школа разведчиков или какое-нибудь шпионское гнездо.

Федор не женат и не собирается пока, хотя подруги у него случаются. Но как ни пытается поднаторевший в допросах свидетелей капитан выпросить его насчет «бабс», Федор умело уходит от ответов... не нужно забывать, что они бывшие коллеги и силы их примерно равны. Я не обсуждаю своих отношений с женщинами, высокомерно говорит Федор. Недаром его друг художник Щанский, не дурак выпить и подраться, называет его поручиком Алексеевым. Мой друг, поручик Алексеев, говорит Виталья Щанский при случае и выдает очередную байку из походов бравого поручика, не имеющую ничего общего с реальностью, благо фантазия у него бурная, как и положено всякому человеку искусства.

Он сидел в «Белой сове», пил кофе, черкал в листках, задумывался, уставившись на пустой подиум. Он не заметил, как к его столику подошла женщина. Он очнулся, когда она опустилась на стул напротив, и только тогда поднял на нее глаза. Незнакомая, хорошо одетая молодая женщина с короткими темными волосами. Долгую минуту они смотрели друг на дружку, Федор в некотором замешательстве, женщина – с улыбкой.

– Федя, ты не узнаешь меня? – спросила она.

– Ния? – произнес он неуверенно, вглядываясь в нее. – Неужели? Откуда? На каникулы? Она рассмеялась.

– Оттуда! Насовсем. – Она смотрела прямо ему в глаза. Не столько смотрела, сколько рассматривала, по-прежнему с улыбкой. – А ты не изменился, только седина появилась, – сказала наконец. – Но так даже красиво. По-прежнему в полиции?

– Стареем, седеем. А ты изменилась, стала еще... лучше. Уже не в полиции, преподаю в университете.

– Преподаешь? Право?

– Нет, философию.

– Философию? – она рассмеялась. – С чего это тебя потянуло на философию? Разве сейчас философия в моде? Трудно представить себе, что современную молодежь может интересоваться философией... она вроде мертвых языков. Сейчас в ходу технологии.

– Представь себе, случаются чудачки.

– Те, у которых по математике неуд? – поддразнила она.

Он тоже рассмеялся.

– В основном. Откуда ты взялась?

...Они встречались когда-то... когда же? Пятнадцать лет назад! Он был студентом юридического, она поступала туда же; они столкнулись лбами в вестибюле... Да, да, столкнулись

буквально и буквально лбами. Она вскрикнула, уронила книжки и тетрадки, и оба ползали, подбирая их по всему вестибюлю.

Он хотел сказать что-то вроде: «И куда это тебя несет?» или «Мадам, и часто это с вами?» или еще что-нибудь такое же легкое и ироничное, определив с высоты студента старшего курса малявку-абитуриентку. Но они встретились глазами, и вся легкость и ирония мигом испарились. Глаза у нее были... если призвать на помощь поэзию, то цвет их был цветом вечернего луга, зеленовато-серый, а если не призывать, то цвет их был цветом зеленовато-коричневой ржавой стоячей воды в опасной лесной топи, куда лучше не соваться, а то мигом увязнешь и тогда пиши пропало... пропал. В них была магия и тайна. Он засмотрелся и увяз. Очнувшись, помог ей подняться. Она разбила коленку, и он повел ее в медпункт, где обрадовавшаяся скачущая медсестра тетя Нюся налила на ранку перекиси. А он дул, чтобы не больно. Тетя Нюся, толстая, одышливая, окинула их объединяющим взглядом и подмигнула Федору.

– Как тебя зовут? – Тетя Нюся вытащила из стола толстую тетрадь и взяла ручку.

– Агния.

– А фамилия?

– Шульга.

– Адрес? – Тетя Нюся снова подмигнула Федору – не теряйся, мол, парень..

Он не растерялся. Он никогда не терялся и всегда знал, что сказать и что сделать. Добавьте сюда внешность – теплые карие глаза, темные волосы, приятная улыбка и фигура атлета. Кто бы устоял? У него не было постоянной подруги, так, случайные отношения, никуда не ведущие. И тут вдруг случилась Агния. Ния с глазами цвета болотного омута...

Он проводил ее домой. Они стали встречаться. Федор был не из тех, кто с ходу принимает решения, он обдумывает проблему со всех сторон, взвешивает, задает себе вопрос, что будет, если, и только тогда начинает действовать. Два его однокурсника женились, Федор счел их поступок неразумным, поспешным и нерациональным. Ему это не грозило, у него были планы на будущее, и он собирался карабкаться вверх налегке. У него были трезвая голова и аналитический ум, и он знал, чего хочет от жизни. Но человек предполагает, а бог располагает, говорят умные люди. Федор влюбился. Они встречались два года, и как-то так само собой получилось, что будущее у них было одно на двоих. Никто из них не заговаривал ни о чем таком, но оба знали, что они вместе навсегда. Как оказалось впоследствии, это казалось одному Федору. Девчонки из его группы, например, были уверены, что Агния использует Федора, так как сама не тянет учебу по причине интеллектуальной заторможенности.

Он называл ее Ния... Как из научной фантастики, смеялась она. Она вообще смеялась охотно и часто, а он любовался. Она была радостной, шумной и легкомысленной, и ловить в юридическом ей было нечего. Оба это понимали. Федор был блестящим студентом, она же – посредственной студенткой. Профессор права Аркадий Семенович Ландау, руководитель дипломной Федора, поделился как-то с коллегой, что не понимает, как такой блестящий молодой человек, как Алексеев, мог... гм... подружиться с такой посредственностью, как эта... Шульга! Подобные женщины, изрек профессор, подняв в назидание указательный палец, называются роковыми и губят мужчин. Возьмите древнюю историю, сказал профессор, сколько прекрасных героев пало жертвами их козней и коварства! Далила и Самсон с отрезанными волосами, еще... Профессор пожевал губами. Еще Юдифь... та вообще отрезала любовнику голову. Правда, он был нехороший человек и заслужил. Кстати, оживился профессор, интереснейший историко-юридический казус: а имела ли место отрезанная голова? Или это аллегория, так сказать? Неясно. То ли бль, то ли легенда. Профессор задумался.

Федор действительно вел подругу через тернии учебы, натаскивая к семинарам, готовя курсовые, составляя списки книг, и прекрасно понимал при этом, что все напрасный труд. Это было не ее, хоть ты тресни! Она неплохо пела, танцевала в студенческом ансамбле, любила шумные развлечения и вечеринки. Агни, называл ее Федор. Индийский бог огня и домашнего

очага. И если первое было верно, то второе под большим вопросом. Огонь. Только сунься, полыхнет и сожжет. Зачем она пошла на юридический, было загадкой до тех пор, пока Федор не узнал, что их декан приятель ее отца: сауна, дружба семьями, совместные праздники и выезды на природу.

Он прекрасно помнил тот день, когда она не пришла на занятия и не позвонила. На его звонки не отвечала. Она попросту исчезла. Он помчался к ней домой. Бабушка Нила Андреевна, привечавшая Федора, как будто смутилась. Пригласила войти, усадила за стол, порывалась бежать на кухню и кормить. Где Ния, спросил он. Что случилось? Агния уехала, сказала бабушка. Насовсем. Вчера. Разве она тебе не сказала? «Не сказала? Что?» – сумел выговорить он, огорошенный и недоумевающий. Агния выходит замуж за старого знакомого семьи, бизнесмена, он живет за границей, в Австрии. Он был здесь месяц назад, вот и сговорились.

Сговорились? Месяц назад? Замуж? Федор, великолепный, сильный, умный Федор был уничтожен. Она ни слова не сказала, они виделись позавчера, все было как обычно... Ему казалось, он сейчас заплачет, как мальчишка, от обиды и горя.

Бабушка сидела тихо, вздыхала, разглаживала скатерть старыми морщинистыми пальцами. Что-то невнятно бормотала о том, что жених в свое время очень помог отцу Агнии, он свой в семье, и теперь, когда его жена умерла...

– Поверь, Федя, так лучше, – сказала бабушка. – Агния – шальная, всегда была, ее нужно держать в руках, никогда не знаешь, что выкинет...

– А как же институт? – спросил он по-дурацки.

– Переведется на заочный, – сказала бабушка. – Как муж скажет, – добавила она, поджав губы, неизвестно что имея в виду. Похоже, выходка внучки ею не одобрялась.

Вот и все. Как пришло, так и ушло. Как назвать то, что случилось? Подлостью? Коварством? Трусостью? Предательством? Или амур пердю и завяли апельсины?

Федор замкнулся, сразу повзрослел и перестал улыбаться. Налег на учебу. Взаялся за ум, сказал профессор Ландау, повезло. Могло быть хуже, сказал профессор. Он мог сделать идиотскую глупость и жениться! Ничего, несчастная любовь хорошая прививка от жизненных невзгод в дальнейшем, сказал мудрый профессор.

...С тех пор прошло долгих пятнадцать лет. Федор не пытался... ничего не пытался. Ни узнать, где она, ни расспросить общих знакомых – может, пишет, и что пишет, ни узнать ее адрес. Ровным счетом ничего. Обида выжгла в сердце черную дыру, с течением времени дыра затянулась нежной полупрозрачной тканью, но никуда не делась – просвечивала. Пятнадцать лет... и вот она сидит напротив, с улыбкой смотрит на него. Как будто они расстались только вчера.

– Как ты? – спросила она. – Женат?

Бывшая подруга всегда спросит бывшего друга, женат ли он. Бывшие подруги любят задавать такие вопросы, им интересно, не мелькнет ли на его лице сожаление как доказательство сравнения их обеих не в пользу супруги.

– Нет. Как ты? Надолго?

– Навсегда, – ответила она. – У мужа здесь бизнес. Мы купили дом около Еловицы.

Навсегда, сказала она, и глаза их встретились. Я ничего не забыла, сказала она глазами.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросил Федор.

– Шампанского! – рассмеялась она.

Он рассматривал ее лицо... легкие морщинки в уголках глаз, в уголках губ... лицо не круглое, как когда-то, скорее треугольное – острый подбородок, выпуклые скулы, – улыбка не такая яркая, блеска в глазах поубавилось. И глаза цвета стоячей болотной воды, болотной топи, глаза той Нии, потемнели. Была девчонкой, стала взрослой женщиной... Интересной женщи-

ной, необходимо заметить. Женщиной с прошлым, и в ней чувствовалась тайна. А может, это было лишь его воображение.

– Как твоя бабушка? – спросил он.

– Бабушка умерла. Папы тоже нет... – Она неприметно вздохнула. – Мама второй раз замужем, живет в Греции. Вышла за грека, представляешь?

Им принесли шампанского. Расторопный официант Славик разлил вино в высокие бокалы.

– За тебя, – сказал Федор.

– За нас, – отозвалась она, улыбаясь. – Помнишь, какими мы были?

Помнит ли он? Он помнил. Молодыми, самоуверенными, нахальными. Они ничего не боялись, будущее, как бесконечная цветущая долина, лежало у их ног. Ему хотелось спросить: почему? Пришла бы и сказала... Но он не спросил. Зачем? Какая разница теперь? Пережито, забыто...

Они выпили. Ния прикрыла рот ладошкой. Она пьянела мгновенно и начинала смеяться. Федор помнил, как она хохотала после шампанского...

– Ты должен меня ненавидеть! – выпалила вдруг Ния.

Он пожал плечами.

– Я сволочь! Простить себе не могу! Дура! Трусливая маленькая дура! Я хотела написать тебе, объяснить... Понимаешь, все случилось так быстро! Володя... это мой муж... забрасывал меня подарками, рассказывал про виллу в Австрии, я представляла себе жизнь там как сплошной праздник. Он был крутой сильный мужик, мама говорила, будешь как у бога за пазухой. Он вытащил отца из некрасивой истории когда-то... Он все мог, понимаешь? Он был хозяин жизни. И мне все здесь показалось таким... мелким и несостоящим, и наш город, и наш институт... Все! А там была настоящая жизнь. Учебу я бросила, муж сказал, не нужно. Сидела дома, принимала гостей, разбиралась с прислугой. Он хотел, чтобы я была лучше всех! Денег не жалел... шмотки, побрякушки, спа-салоны...

«Я тоже показался мелким и незначительным?» – подумал Федор.

Он слушал, опустив глаза. Ния говорила быстро, истерично; она схватила его за руку, и он руки не отнял. Раньше после шампанского она хохотала, подумал Федор. Сейчас она спешила выговориться, и он подумал, что сейчас она заплачет. Предупреждая слезы, протянул ей салфетку. Прекрасная жизнь, вилла в Австрии, приемы, шмотки, жизнь наверху... а на другой половине весов бедный студент, которому еще карабкаться и карабкаться наверх. Ему вдруг пришло в голову, что она готовилась к их встрече, репетировала, искала красивые слова; даже то, как она схватила его руку... даже шампанское! Она знала, что рано или поздно они столкнутся лбами... снова столкнутся лбами! Город невелик. Шампанское шибало ей в голову, и она начинала хохотать, бурно жестикулировать и болтать несусветное. После шампанского она становилась... безбашенной! О таких говорят: море по колено. После шампанского море было ей по колено. Однажды она полезла на стол, ей захотелось танцевать; оступилась, сшибла несколько тарелок и под визг присутствующих упала ему на руки, и все это с хохотом, дрыганьем ногами и попытками вырваться! Как он снисходительно подозревал, она умышленно подогревала себя, выпуская пар, зная, что все спишется на шампанское. Шальная, говорила бабушка. Огонь, считал Федор. Действительно, огонь. Налетела, обожгла, сожгла, оставила пепел... умчалась в туманную даль.

Она говорила, заглядывая ему в глаза, вспоминала всякие случаи из их прошлого...

Агния. Агни. Ния. По-прежнему огонь, но... не жаркий, не тот, который обжигает. Тот, у которого можно греться. Неопасный, подумал он. Неопасный?

Неужели все пятнадцать лет она помнила и... жалела? А как еще расценить ее исповедь? А как же прекрасная жизнь наверху? Беззаботная богатая жизнь домашней хозяйки? За спиной сильного мужика? Или... игра, пришло ему в голову. Переигрывает, пришло ему в голову.

И шампанское тут кстати. Как многие думающие и анализирующие, он был подозрителен и обладал богатой фантазией.

– У тебя есть дети? – вдруг спросил он.

Она замолчала, потеряв мысль. Молча смотрела на него. Сникла, погасла.

– Нет, – сказала наконец. – У Володи не может быть детей. А ты почему один?

«Не из-за тебя», подумал он. Мысль была пацанская, мстительная, и он понял, что все еще обижен и ничего не забыл.

– Как-то не сложилось, – сказал он.

– Все учился?

Ему почудилась ирония в ее голосе.

– Все учился.

– Вам, мужчинам, легче. Для вас главное свобода и творчество, а для нас... – Она махнула рукой.

– Найти богатого мужа, – поддразнил он.

– Да! Да! – сказала она страстно. – Не считать копейки, не жить в спальном районе, не таскать сумки с базара! – Она осеклась, подумав, что он может принять это на свой счет. Профессура, считающая копейки!

Он не ответил, да и что было отвечать? Убеждать, что главное интересная работа, друзья, книги... бесполезно, у каждого своя шкала ценностей. Хотя, похоже, она говорит не столько для него, сколько для себя... так ему показалось.

– Кофе? – спросил он.

Ния кивнула...

Глава 2

Семейные зарисовки

Ния вернулась домой около пяти. Навстречу ей бросился маленький кудрявый песик, радостно залаял. Она взяла его на руки, прижала к груди, поцеловала в макушку. В половине шестого приехал Володя, муж, – она услышала шум мотора за окном. Поспешно включила телевизор, уселась на громадный диван, подсунув под себя подушки, раскрыла книгу, усталилась.

Хлопнула входная дверь. Муж протопал на кухню. Ния слышала, как он с размаху поставил на стол пакеты с продуктами. Она смотрела в книгу и не видела ни строчки. Шаги замерли у двери гостиной; дверь распахнулась.

– Ты дома?

Ния отложила книгу, по-кошачьи потянулась, улыбнулась.

– Дома. Ты сегодня рано.

– Придут Тюрины, я купил продукты. Займись, я пойду прилягу. Устал. – Тяжело ступая, он пошел к двери.

– С какой стати они придут?

Муж повернулся и спросил:

– Имеешь что-нибудь против?

Тон его был неприятным, взгляд стал злобным. Ния поняла, что муж выпил. Он стоял, покачиваясь с пятки на носок, здоровый мужик с животом, с красным лицом, в рубашке с расстегнутым воротом и замшевой куртке. Ния помнит, как они купили эту куртку в каком-то бутике на Пятой авеню в Нью-Йорке. Муж вытащил из портфеля пачку долларов, отсчитал небрежно четыре тысячи. Она помнит взгляд продавца...

Она смотрела на него и не узнавала того козырного, шумного заводилу с немереными деньгами. Как он красиво ухаживал! Баснословно дорогие розы – каждый день, ужин в «Английском клубе», бриллиантовое кольцо. А ее распирало от гордости, что такой крутой и бывалый мужик, у которого связи и знакомства на самом верху, предел мечтаний десятков баб, владелец виллы под Веной и квартиры в столице, яхты на приколе в Тивате... Тиват? Это в Черногории, славный городок, у меня там небольшая квартирка, сказал Володя. И этот небожитель обратил внимание на нее, глупую легкомысленную троечницу! Как сразу потускнело все вокруг! Даже Федор Алексеев, отличник, умница, которому прочили большое будущее, отодвинулся и потускнел. Он был хорошим парнем, но до Володи ему было далеко. Володя приезжал несколько раз, и каждый раз она врала Федору, что не может сегодня, бабушка приболела, у них гости, ремонт, у мамы гипертонический криз, страшно оставить одну. Он верил. Умный, самоуверенный, блестящий Федор Алексеев верил! И она еще тогда с чувством недоумения и некоторого превосходства поняла, что *ими* можно вертеть! Она помнит, что даже стала получать удовольствие от вранья, словно мстила подсознательно за то, что возился с ней, делал курсовые и при этом был глух и слеп. И уехала она тайком, не встретившись, не поговорив начистоту... Испугалась? Она не знала. Нет, пожалуй. Уехать, не сказав ни слова, было в русле вранья и чувства осознанного превосходства, и еще, пожалуй, желания пнуть и доказать, что не учением единым. Как он разглагольствовал, как убеждал, что нужно учиться, он поможет, диплом, диплом, диплом... с высоты своего статуса самого-самого, любимчика профессуры... как будто это так важно! И что в итоге? Она выскочила наверх, а он остался внизу, ну и знай свое место. Я это я, а ты... с дипломом. Она представляла себе лицо Федора, когда он узнает, и не могла сдержать улыбки. Он узнает, когда она будет уже далеко...

Что это было? Ния не знала. Ну, было это в ней, сидело глубоко, некое подспудное коварство, желание уколоть, нечто змеиное... не аспидное, а от маленькой полуядовитой змейки. Нет, нет, она не была подлой, наоборот, она была радостным светлым человеком, щедрой душой, готовой подставить плечо и утешить. Но вот поди ж ты, сидела внутри какая-то скверна... Как сказал один умный писатель, гадость и подлость в человеке всегда в наличии, только не всегда они бывают востребованы. Мы позволим себе добавить – не во всех человеках, а то делается совсем грустно. Как версия спорно, но имеет право на жизнь. А может, по молодости не делалось различий между «можно-нельзя», «прилично-неприлично»; это, кажется, называется социальное невежество или социальная незрелость. А может, это был комплекс неполноценности и постоянная потребность самоутверждаться...

Лет пять назад дела у мужа пошли вкривь и вкось, наехала налоговая, услуги адвокатов влетели в целое состояние. В итоге пришлось продать яхту и квартирку в Тивате, а потом и виллу под Веной. Последним ушел бизнес – фабрика по производству синтетических сапфи-ров для электронной промышленности с филиалами на Кипре и в Словакии. Муж стал пить. Пришлось менять орбиту. Пришлось вернуться...

Ния поднялась с дивана.

– Вино купил?

– Купил. Виски, кажется, есть. Давай, девочка, в темпе.

Он называл ее девочкой, когда-то ей нравилось, сейчас вызывало раздражение...

Лестница затрещала под его шагами – тяжело опираясь на перила, муж отправился в спальню, а Ния – на кухню. Она с трудом удержалась, чтобы не сказать, что виски осталось на самом дне, но вспомнила, что Тюрин почти не пьет, и промолчала. Володя уже принял, ему хватит. Мадам Тюрина пьет шампанское, не пьет, а лакает, а налакавшись, лезет с нежностями к ней, Ние, и к Володе. Володя, конечно, забыл и купил вино, значит, будут недовольные гри-масы. Ния вспомнила, что в холодильнике, кажется, есть бутылка шампанского.

Она часто задавала себе вопрос о том, что их связывает, Славу Тюрина и Лину, уж очень они разные. Слава приятный, обходительный, с манерами лорда, а Лина... торговка! Крикли-вая, грубо раскрашенная, в опереточных шмотках. Володя и Слава когда-то начинали совмест-ный бизнес, потом разбежались – Володя уехал, Слава остался. Теперь они как жуки ощупы-вают друг друга усиками насчет нового бизнес-проекта.

Ния разгружала сумки из «Магнолии» и перебирала в памяти встречу с Федором. Они вернулись четыре месяца назад, и не было дня, когда она не думала о Федоре. Город очень изменился, открылись новые магазины, он стал ярче, чище, толпа наряднее, везде полно ресто-ранчиков под полосатыми тентами, прямо на улице. Она узнавала и не узнавала дома и улицы, подолгу бродила в их парке, смотрела на реку. Появился пешеходный мост, раньше его не было; парк вылизан, нигде ни соринки, много цветов, корзины с петуньями на фонарных столбах – их запах плыл в воздухе сладким облаком; даже старинные чугунные пушки блестели так, что казалось, их отполировали. Она покупала в парковом кафе бумажный стаканчик вполне при-личного кофе, усаживалась на круговую скамейку с деревом – старым разлапистым вязом, – в центре. Пила кофе и смотрела на соборы и монастыри, брошенные широкой плавной дугой, отмеченные золотом куполов: далекую светлую Троицу, Елицу в зеленой роще – посередине дуги, и близкую, рукой дотянуться, Святую Екатерину... и не могла насмотреться, чувствуя, как вступают в душу покой и умиротворение. Парк днем безлюден, тих, задумчив; матери неторопливо катят коляски; иногда пробегает стайка студентов.

Ния вспоминала и вздыхала, все мысли вертелись вокруг Федора. Она выскочила наверх, он остался внизу... Она не понимала себя сейчас. Наверх? И что? Довольна? Или у разбитого корыта? Федор возмужал, давно не мальчик, но муж. Спокойный, ироничный... седина на вис-ках. Он, кажется, не удивился и не обрадовался ей. Скорее, она смутилась. А он смотрел на нее, и в его глазах не было ничего: ни узнавания, ни радости. А она заспешила, засуетилась...

«Ты должен меня ненавидеть!» Дурацкая фраза, проклятый выпендрож, вечное кокетство. Ах, ты меня, должно быть, ненавидишь! Да, я такая... Он не ответил, не стал разубеждать, пожал плечами. Так ей и надо.

Она схватила его за руку, потребовала шампанского, стала каяться и бить себя в грудь, объяснять... Зачем? Чувствовала, что переигрывает, и он это чувствовал, но неслась дальше, словно поспорила с собой, что заведет его, втянет в разборки, а может, и обвинит, что недостаточно любил, недостаточно уделял внимания... в духе сериальных героинь, усвоивших, что лучшая защита – нападение. В итоге: это ты виноват, что мы не вместе! Причем чувствовала подсознательно, что с Федором эти номера не проходят... но вот поди ж ты! Вредный азарт выиграл – кто кого!

Ния доставала из буфета «гостевую» посуду – японский тонкий фарфор, раскладывала мясо, рыбу, салаты. Слава Тюрин с манерами лорда оказывал ей знаки внимания, даже Володя заметил, хохотнул, сказал, ты его, мать, придави, сговорчивее будет. Тюрин – архитектор, у него раскрученный строительный бизнес. Володя предлагает расширяться, он всегда играл рискованно, Тюрин не решается, он осторожен и рисковать не намерен.

Он же с тебя глаз не сводит, говорит Володя, не теряйся, мать! Раньше ей нравились его скабрзные шуточки, это, с ее точки зрения, было атрибутом крутого мужика; потом стали претить. Он хвастался молодой женой, как породистой кобылой, новым навороченным «Лексусом» или коллекционным коньяком, купленным за восемь тысяч зеленых. А она, разодетая, как кукла, довольно улыбалась. Хоть спать не заставлял с партнерами-австрияками, с него бы стало.

Эко тебя, мать, занесло! Володя не злодей, а нормальный бизнесмен, жесткий, умеющий принимать жесткие решения. Мужик. Толстокожий, как все сильные и жесткие. Ничего подобного он никогда бы не потребовал – ревнив страшно. Особенно в последнее время, особенно по пьяни. В ресторане полез драться с каким-то типом, который паялился на нее. Она сидела, опустив глаза от неловкости...

Ния вздохнула и подумала, что Федор один... почему? Неужели из-за нее? Вряд ли. Пятнадцати лет более чем достаточно, чтобы все затянулось, а женщин всегда было больше, чем мужчин. Тем более Федор... так и летят, и всегда летели. Она представила себе, что ее муж не Володя, а Федор, и живут они в спальном районе, и считают каждую копейку – какая там зарплата у преподавателей вуза! Вот и пришлось бы... экономить. Она покраснела, ей стало стыдно... она вспомнила серьезное лицо Федора... Дура! Никак не повзрослеешь! Разве все измеряется деньгами? Когда они есть, то не все, сказала она себе. А когда их нет, то... наверное, все.

Она достала из кармана джинсов визитную карточку Федора. «Доцент, преподаватель философии...» Доцент – это почти профессор, Федор всегда был с головой. Через пару лет профессор... наверняка пишет докторскую... Доктор философских наук, постиг смысл жизни, так сказать. Надо будет спросить, в чем же все-таки смысл жизни... а он ответит, что одного на всех нет, это индивидуально и зависит от вкусов, возраста и даже характера. Одному все трынтрава, счастлив, денег на хлеб хватает – и счастлив, а другому... что там говорится в народе про мелкий жемчуг? А другому вечно жемчуг мелок. Вот тебе и смысл. А он философ, философы довольствуются малым, древние философы жили в бочках и были счастливы. Вернее, не счастливы, а самодостаточны, что есть высшая точка гармонии бытия.

А в чем, интересно, смысл ее жизни? Ния задумалась. Раньше в развлечениях... Господи, да кто думает о смысле жизни, когда все хорошо! Почти год они жили в Нью-Йорке... вот где сплошной праздник! Театрики на Бродвее, магазины – любимые «Сакс» и «Блумингдейл», «Лорд и Тейлор» тоже ничего; шмотки, косметика... сколько деньжищ угрохано! Ювелирные дома «Булгари», «Тиффани»... Гости, поездки, Атлантик-сити, занюханый городишко на берегу океана, сто двадцать миль от Нью-Йорка, с шикарными сверкающими казино.

Володя пристрастился к игре, они выезжали шумной компанией в ночь, ужинали в «Тадж-Махале», а потом всю ночь «водили козу» по остальным заведениям. Обилие огней, музыка, вечный праздник! «Цезарь», «Сэндз», «Бейлис»... Громадные залы с «однорукими бандитами», рулетка, игорные столики, бары, море света. И хорошенькие барышни в юбочках, едва прикрывающих попки, с подносами – шампанское, виски, соки. Володя проигрывал, его новый знакомый и будущий партнер, в прошлом наш, с Брайтон-Бич, выигрывал. Говорят, есть люди, которые притягивают деньги, – этот был из таких. Скользкий, уклончивый, ни да ни нет – оказался аферистом и жуликом, нагрел Володю на полтора миллиона зеленых и исчез. Телефоны не отвечали, дом стоял заколоченный, настоящий хозяин сказал, что жильцы съехали. Куда – неизвестно. Это были страшные дни, Володя бушевал, пил, порывался бежать искать, ревел, изрыгая проклятья, и снова пил...

А потом пошло-поехало и закончилось все возвращением к истокам. Слава богу, на приличный дом хватило...

Ния вздохнула. Вот и пойми теперь, что такое смысл жизни – смысл отдельных событий или в общем. Ежели в общем, то получается вроде подведения итогов, значит, финал. Путаное это дело. Надо все-таки спросить Федора при встрече... А будет ли еще встреча?

Кто сказал, что Федор заинтересовался ею? Скорее, был удивлен, и особой радости в нем она не заметила. Он смотрел на нее как на чужого случайного человека... не простил? И шампанское не стал пить, только пригубил. А она вывернулась наизнанку, устроила театр... одного актера. Одной актрисы. Он же все понял! А что он понял? Что ей паршиво, что она тонет и пытается нащупать, от чего оттолкнуться, чтобы не потонуть окончательно? Так она и не скрывает.

Простил не простил... что за дамские вопросы!

Ния сунула визитку в карман, тут же вытащила, вспомнив, что у Володи появилась плохая привычка шарить по ее сумочкам и карманам. Ревнует, дурак. Подумала, окинула кухню взглядом, оглянулась на дверь и сунула карточку под буфет – пока пусть там, а потом перепрячем.

Она перетирала бокалы и серебро и думала о Федоре...

Глава 3

Гости в дом...

...Они появились ровно в семь. Слава Тюрин никогда не опаздывает. Один раз он пришел один, так как Лина никак не могла выбрать платье. Она приехала спустя полчаса на такси, красная, злая, и с порога сказала мужу, что он придурок, а потом целый вечер с ним не разговаривала. А Ние заявила на кухне, что завидует ей, и вообще, муж должен быть старше жены, конечно, не на двадцать пять, как у них с Володей, это уж слишком, а лет на шесть-семь. Ния держала в руке вилку и с трудом удержалась, чтобы не воткнуть ее в Лину. Когда Лина открывала рот, Ния холодела от предчувствия, что эта дура ляпнет сейчас очередную глупость. Самое неприятное, Лина не была дурой, и Ния подозревала, что те глупости, которые она несла, были точно направленными ударами – завуалированными под глупость оскорблениями и хамством. Они не показались друг дружке с самого начала. Ния помнит, как Лина окинула ее оценивающим взглядом, задержалась на безумно дорогом темно-синем шелковом костюме и сказала: «Ты, как я понимаю, не тряпичница, мне самой по фигу дорогие шмотки, я люблю, чтобы удобно и недорого!» Недорого?! Ния раздула ноздри, но так и не решила, то ли Лина действительно не поняла, то ли сказала гадость. И ведь не придерешься!

На Лине было бесформенное желтое в красные цветы платье, удивительная безвкусица и дешевка. И массивное золотое кольцо – «собачий ошейник», мстительно подумала Ния. Лина была крупной, в отличие от изящной и мелковатой Нии, с тяжелой поступью и большими руками в кольцах; от нее несло табаком – Лина курила длинные черные с золотым ободком сигаретки. Рассмотрев на пальце Нии скромное колечко с бриллиантом, она бросилась преувеличенно его расхваливать, и Ния внутренне напряглась. А Володя тут же потребовал, чтобы она показала Лине свои брюлики. Лина одобрительно захлопала в ладоши. Ния попыталась перевести разговор, но пьяноватый уже Володя настоял, ему хотелось произвести впечатление на будущего партнера. Мужчины, когда дело касается женщин, часто понимают все не так. Хмурая Ния принесла шкатулку с украшениями, Лина принялась их перебирать, приговаривая, ах, какая прелесть, мне, правда, нравятся дорогие вещи... но и это ничего, очень мило. Ния тут же сказала, что это «Булгари», ручная работа, назвала стоимость. Лина притворно ахнула: «Не может быть! Это?» – и повертела в руках колечко с сапфирами. Володя ничего не заметил, а Ния не спала всю ночь, сочиняя достойные ответы... этой хамке.

Однажды она сказала: «Я тебе завидую, у вас нет детей! Ты себе не представляешь, какая это морока! Я бы хотела пожить для себя... как ты!»

У них было двое детей – старший мальчик учился в Англии, в институте международной политики, девочка Сонечка была дома, ходила в школу.

Ния не ответила...

...Они пришли ровно в семь. Слава любил повторять: «Точность – вежливость королей». Он поцеловал Ние руку. Володя хлопотал, преувеличенно громко усаживая гостя, хлопая по плечу, наливая легкое винцо для разгона. Женщины удалились на кухню. Пусть только попробует что-нибудь выдать, думала Ния, вружу не задумываясь. Как ни странно, встреча с Федором придала ей мужества, ей казалось, что у нее появился союзник, и она представила, как жалуется ему... как когда-то, в их лучшие времена. «Лучшие времена»... мысль вырвалась случайно, и Ния удивилась и невольно улыбнулась.

– Ты чего смурная? – спросила Лина. – Семейные скандалы?

– С чего ты взяла? – удивилась Ния.

– Я заметила, что Володя много пьет... как у него с бизнесом?

– Как обычно. Нормально. Я не очень вникаю в его дела.

– Напрасно! Их нужно держать на коротком поводке. Контроль и еще раз контроль. И по деньгам и по этому самому... – она хихикнула. – По бабам. Тебе легче, Володя не в том возрасте...

– А что, у Славы любовница? – ляпнула Ния, наивно раскрыв глаза.

– Любовница? У Славки? Да пусть только попробует! – Лина сжала кулаки, лицо ее потемнело. – Убью!

– Контролируешь? – не удержалась Ния – на войне как на войне.

Лина посмотрела на нее долгим взглядом, хмыкнула, достала сигаретку:

– Не против?

Ния не выносила табачного дыма, и Лина прекрасно об этом знала. Дрянь! Она улыбнулась:

– Конечно, будь как дома. Можно? – Она потянулась за сигаретой.

Они курили, рассматривая друг дружку, словно виделись впервые. Ния старалась не вдыхать дым, боялась закашляться. Лина с удовольствием затягивалась и шумно выпускала длинную сизую струю.

– Что-то в тебе новенькое появилось, подруга, – сказала она. – Выиграла в лотерею?

Ния пожалала плечами и промолчала. Улыбнулась кончиками губ...

– Или мужика завела?

Ния невольно взглянула на ножку буфета, за которой была спрятана визитка Федора.

– Ты советуешь?

– Говорят, помогает в семейной жизни.

– Тебе помогает?

– Мне и Славки хватает, он еще ого-го! А как твой Володя? – в голосе ее прозвучало любопытство. – Сколько вы вместе?

– Много, и у нас все хорошо.

– Конечно, я понимаю, у вас все хорошо! После заграниц да в наше болото... – Она хмыкнула. – Не скучаешь?

– Если Володя не приживется здесь, мы вернемся. У нас в Австрии бизнес... – соврала Ния.

– Бизнес? А Володя сказал, погорел бизнес, теперь ищет, куда пристроиться. Вон Славку охмуряет.

– Охмуряет? – Ния задохнулась от возмущения. – Володя знает, что делает! К нам напрашиваются, с его опытом... мы выбираем, поняла?

– Ну, вы так вы, не волнуйся ты так! – Лина пожалала плечами. – Володя мне нравится, сильный мужик, хозяин. Даже завидно. Хорошо, что вы вернулись, у меня здешняя шушера уже в печенках сидит. Будем дружить, да, подруга?

Дрянь! Все они понимают, все знают, и про плачевный финал, и про крах, и ни капельки не верят, что потянуло к истокам по причине ностальгии. А Володя старается, надувает щеки, надеется...

Муж выпил лишнего – похоже, это стало входить в привычку, – бурно жестикулировал, рассказывал о фабрике, партнерах, выставляя австрияков скупыми и недалекими жлобами. Лицо у него было красное, голос охрип, он по несколько раз повторял «прикольные» места и хохотал. Слава вежливо и неопределенно улыбался; Лина курила, ухмыляясь. Ния меняла тарелки, бегала туда-сюда, надолго «зависала» на кухне, чтобы продышаться от сигаретного дыма и дурацких рассказней мужа. И думала о Федоре...

Глава 4

Бегство

Будет ласковый дождь, будет запах земли. Щебет юрких стрижей от зари до зари, И ночные рулады лягушек в прудах. И цветение слив в белопенных садах...

Сара Тисдейл. Будет ласковый дождь...

Федор побродил по парку, вернулся домой, попытался усадить себя за статью, но не успел. Разумеется, он думал о Ние. Пятнадцать лет... как и не было. Он снова был студентом, жизнь впереди была прекрасна и удивительна, он был самоуверен, знал, чего хотел, и верил в себя. Побег Нии... Да, да, именно побег! Он помнил свои обиду, недоумение, растерянность... Он помнил, как бабушка Нила Андреевна смотрела на него с жалостью – он нравился ей, как пыталась смягчить удар, выставляя внучку легкомысленной дурочкой, не стоящей внимания такого замечательного парня...

Он помнил боль, как от ожога, помнил, как дергался от громкого окрика или смеха – ему казалось, что смеются над ним. Он шмыгал кружными путями, чтобы не нарваться на любопытные взгляды, и раздумывал, а не взять ли академический отпуск. Гордым и высокомерным падать труднее, удачливым, тем, кто был на вершине, невыносимо лететь вниз. Те, кого не предавали и не бросали, чувствуют предательство острее...

Он узнал о себе много нового. Оказалось, его можно убить. Оказывается, он беззащитен и наг. Оказывается, он доверчив, и ему так легко причинить боль. Наверное, это был тот перекресток, на котором он стал задумываться о смыслах, о первостепенном и второстепенном, об отношениях мужчины и женщины...

Он усмехнулся невесело – вот, оказывается, с чего его потянуло в философию и кому он обязан... должно быть.

Он узнавал и не узнавал прежнюю Нию. Она стала... зрелой! Была как мягкая пластилиновая фигурка, а сейчас в ней чувствовалась твердость. Хотя характер тот же – брызги шампанского, бурная речь, игра глазами, ужимки и гримаски... Что ей нужно, подумал он. Или это отработанные приемы, привычка, извечный инстинкт поведения с женщиной? Игру, кокетничая, надуваю губы, а внутри пусто? И ровным счетом ничего это не значит?

Он почувствовал, что кто-то остановился у его столика. Поднял глаза и увидел незнакомую женщину. Она смотрела на него и улыбалась. А потом спросила...

Ния!

Он не понимал, что чувствует сейчас, это бывало с ним крайне редко. Никогда. Он знал, что не позволит ей... э-э-э... скажем, подойти поближе, ему казалось, он почувствовал в ней готовность подойти поближе. Он не мог понять, то ли по-прежнему жива обида, то ли говорит в нем нежелание поставить ее в неловкое положение, замужня дама все-таки. Замужняя дама, и у мужа все права на ее тело и душу... попахивает все той же старой обидой. Получается, обида никуда не делась, сидела тихо на задворках памяти, ждала своего часа, а теперь вылезла, встrepенулась и расправила крылья...

Он вскочил с дивана, бросился в прихожую, стащил с антресолей спортивную сумку. Он бросал туда свитера, футболки, утрамбовывал спальный мешок; сунул в сумку планшет. Он собирался сбежать, оставаться в городе ему было неловко. Он не знал, как поступить, а в этом случае сбежать – самое то. Главное, вовремя смыться, как любит повторять друг Федора, капитан Коля Астахов.

Он позвонил Савелию Зотову, родственной душе и гуманисту, и сообщил, что сматается на пару дней проветриться на Магистерское озеро, поживет в хижине дяди Алика, половит рыбу.

– Федя, что случилось? – испугался Савелий. Савелий паникер, и его легко испугать. Кроме того, все знали, что в Магистерском озере рыбы нет... почти нет, так, мальки-недоростки, что тем не менее не мешало энтузиастам сидеть с удочками и летом и зимой.

– Ничего не случилось, Савелий, просто потянуло на природу. Хочешь со мной?

Федору хотелось побыть одному, он прекрасно знал, что Савелий не согласится поехать с ним, так как не любит палаточной романтики, предпочитая собственный кабинет. Костерок, озеро, ночные яркие звезды и бесконечный треп обо всем на свете... Савелий был далек от подобной романтики, и жизнь в хижине дяди Алика, как они называли рыбацкий домик их общего знакомого адвоката Алика Дрючина, его не прельщала. Собственность Алика не запиралась, и туда можно было сбежать в любой момент жизненных невзгод, когда нужно было подумать и решить, что делать дальше. Причем спрашивать разрешения у хозяина при этом было вовсе не обязательно. Федор называл хижину домом философского постижения и храмом лотоса, а капитан Коля Астахов, однажды сбежавший вместе с ним, – позорной халупой. Хоть бы окна приличные вставил, ворчал капитан, вместо этих, из рыбьего пузыря, адвокат гребаный, хоть бы замок навесил, а то развел бомжатник, понимаешь, заходи не хочу!

Алику Дрючину хижина обломилась в наследство, он вообще ни сном ни духом не подозревал, что когда-нибудь станет домовладельцем. С момента вступления в права он был там всего три раза, что не помешало ему неделю не просыхать, отмечая подарок, и объявить друзьям и знакомым, что есть шикарная хата на озере, милости просим, рыба, костер и всякая романтика, не стесняйтесь, ребята – если что, дверь не запирается.

– Ты надолго? – спросил Савелий.

– Как получится, – ответил Федор, и Савелий понял, что дело плохо.

– А Коля знает?

– Коля не знает. Хочешь, скажи ему.

– Я позвоню... как ты устроился... и вообще.

– На природе телефон нонсенс, – сказал Федор. – Так что извини, Савелий. Вернусь – позвоню сам.

Савелий хотел спросить: «А если вдруг что-нибудь случится, нужна будет помощь, а ты там один?», Савелию вечно чудятся всякие несчастья.

– Все будет хорошо, – сказал Федор, – не бери в голову. До свидания, Савелий. Привет Зосе и детишкам. – И настала тишина.

Савелий тут же перезвонил капитану Астахову, который был страшно занят, а потому заорал с ходу:

– Ну?

– Коля, Федор сбежал в хижину, – сообщил Савелий. – Только что.

– С какого перепугу?

– Что-то случилось, знаешь, у него даже голос... какой-то не такой. Я думаю...

– Меньше читай бабских книжек и меньше думай, Савелий. Здоровый лось сбежал половить рыбу... я бы тоже с удовольствием, а ты причитаешь, как старая баба! Он не сказал, с чего вдруг?

– Нет. Он даже телефон отключил.

– Я бы тоже с удовольствием отключил, а то достали уже, понимаешь, нет от них покоя ни днем, ни ночью!

– Ты не понял, Коля, он оставил телефон дома.

– Ну и..?

– Это значит, он не будет никому звонить!

– Савелий, какая разница, кто кому не будет звонить?! – рывкнул Коля.

– Большая, Коля! Что-то случилось, и он никому не хочет звонить.

– Я сейчас трехнусь от тебя! Не морочь мне голову, Савелий! Что значит, не хочет звонить? Не хочет и не хочет, в чем проблема?

– Ты не понимаешь, Коля. По-моему, это из-за женщины...

– Чего? – Капитан демонически захохотал. – Да у Федьки этих баб... удивил!

– Это серьезно, раз он оставил телефон. Он не знает, как поступить, и оставил телефон, чтобы не позвонить... ей.

– Тайны мадридского двора, – сбавил тон капитан. – Ты это серьезно?

...Они были друзьями, такие разные, такие полярные, что можно только диву даваться, что дружба их продолжалась уже много лет. Федор Алексеев и Коля Астахов – куда ни шло, бывшие коллеги, а Савелий Зотов сюда каким боком, спросите вы? Савелий трудился главным редактором отдела дамской литературы в местном издательстве «Арт нуво», как уже упоминалось, и по роду службы читал много «бабских» книжек, отчего мыслил и выражался так нестандартно, что капитан Астахов не сразу врубался насчет смысла. На помощь приходил философ Федор Алексеев и толковал Савелия, как древнегреческий жрец толковал пифию из Дельфийского оракула. Коля делился с друзьями криминальными новостями и всякими тупиковыми ситуациями, Федор и Савелий высказывали свою нестандартную точку зрения. Коля сердился и кричал, что они его достали своими дурацкими озарениями. Но потом оказывалось, что кое в чем Федор и Савелий были правы. Федор подходил к преступлениям как философ, его не интересовали такие мелочи, как отпечатки пальцев или утерянные преступником трамвайные билеты, он осмысливал событие в целом, как знаток человеческой природы и любитель решать запутанные задачи. Тем более правило номер один в детективной деятельности «ищи кому выгодно» никто не отменял. Оторванный от жизни Савелий со своими «бабскими» книжками тоже встревал, добавляя пару грошей. Федор, на лету схватывая, что он хочет сказать, творчески развивал мысль друга, доводя ее до абсурда. В результате капитан Астахов хватался за голову и рычал, что все, достали и с него хватит! И призывал на помощь бармена Митрича, он же хозяин бара «Тутси», излюбленного заведения всей троицы, с коньяком и фирменными бутербродами с маринованным огурчиком. Хитрые Федор и Савелий ждали, когда Коля отмякнет после коньяка, и начинали поиски мотива и кому выгодно по второму заходу.

...– А помнишь, как он сбежал, когда мы расследовали дело об убийствах чиновника из мэрии и таксиста?¹ – напомнил Савелий.

Коля только хмыкнул, услышав «мы».

– Тогда ведь он тоже влюбился! И мы еще думали, что в убийцу...

Капитан насторожился.

– Ты думаешь, Федор связался с убийцей? Опять? Ты что-то знаешь?

– Не знаю, Коля, с кем он связался, – печально сказал Савелий. – Но то, что он сбежал, факт. Я за него беспокоюсь. Просто так в хижину дяди Алика не сбегают.

– Глупости! Федор хоть и философ, но не дурак! Мент не бывает бывшим, Савелий, не бойся. Отобьется в случае чего.

Савелий вздохнул и ничего не сказал. В его вздохе была укоризна.

– Что ты от меня хочешь, Савелий? – взвился Коля. – Мало мне своего горя?

---

¹ См. роман И. Бачинской «Ищи кому выгодно».

Глава 5

Перекресток

...Ночь упала на землю, как мягкое невесомое покрывало, затканное звездами. Горел, потрескивая, костер; выкатилась неправдоподобная луна – висела радостной дыней, с любопытством смотрела вниз и довольно улыбалась. Это была не городская луна, которую замечаешь, случайно подняв голову, это была Луна с большой буквы, по-хозяйски раскинувшаяся в небе, главный ночной фонарь, заливший оловянным светом мир. Федор, накинув свитер, сидел на обрубке дерева, кружка с кофе стояла рядом на песке. Он пристально смотрел на оранжевые пляшущие жгуты пламени. Не столько смотрел, сколько созерцал. Те, кто созерцает, любят раздумывать о смыслах...

Ушедший в вечность день был замечательный; не изнуряюще знойный и влажный, а жаркий и сухой, настоящий августовский день. Шевелился камыш на слабом ветру, раскачивались коричневые бархатные его верхушки; сверкало озеро, превратившееся в гигантскую линзу – каждая песчинка на светлом дне виделась размером с горошину; мелкая незаметная рыбешка казалась толстой китайской золотой рыбиной, а тонкие веточки водорослей – непроходимыми джунглями. Покачивались на поверхности радостные желтые кувшинки, звонко шлепали по воде круглые лакированные их листья...

Федор лежал на воде лицом вниз, рассматривал дно. Вода в озере была шелковистой и мягкой, солнце приятно грело спину. Он поворачивал голову и набирал в легкие воздух... воздух был сладкий. Потом он лежал на траве, разбросав руки; спал; потом снова плавал...

А когда настала ночь, сидел у костра и смотрел на огонь. Город и городская жизнь отодвинулись, весь мир сосредоточился вокруг посверкивающего в свете луны озера, шуршащих камышей и костра. Мир был первозданен: где-то бродили большие ящеры – подрагивала земля под их тяжелыми лапами, – смотрели издали на костер и человека, и глаза их светились красным; паслись мамонты, извергались вулканы, а города еще не были построены. Человек жил в пещере и иногда сидел всю ночь у костра, думал. Он сидел у костра – лицу было жарко, а спине холодно; звезды смотрели с черного неба, Луна была низкой и красной, и время от времени на Землю падали, прочертив сверкающий пунктир, метеориты, особенно под конец лета – спустя тысячи лет это время назовут августом. Интересно, о чем думал человек, живущий в пещере, глядя на огонь? О еде? О большой рыбе, которая сорвалась с остроги? О людях, которые живут на Луне? О любви?

Любовь... а что есть любовь? Игра гормонов или химическая реакция? Потребность души или тела?

В чем дело, спрашивал себя Федор. Что случилось? Почему мой мир опрокинулся, почему я сбежал, почему нарушился равномерный ход событий и что теперь делать? Он смотрел в огонь и вспоминал...

Можно ли войти дважды в одну и ту же реку? Философ Гераклит считал, что нет. А как считает философ Федор? Можно, конечно, можно, но вода уже будет другая. Да и берега будут другие... ты будешь стоять в реке, полный ожидания, готовый чувствовать, как когда-то, и снова переживать, но, увы, это уже не та вода, не тот песок, не те берега, а вместо прежних остроты и сладости будут недужность и тлен. Да и обида никуда не делась, оказывается, чего уж там, все мы люди, и ничто человеческое... и так далее.

Река – время, подумал Федор. Течет в одну сторону. Никогда не повернет вспять. Так зачем барахтаться? Все равно течение стащит вниз...

Он уснул у костра и проспал благополучно до рассвета. Проснулся от холода. Новорожденный мир сверкал в лучах белого стылого еще солнца; искрилась роса на седой траве; плес-

кала мелкая рыбешка в безмятежном озере – а может, это была ондатра или водяная крыса, так как рыбы в Магистерском озере не водилось, что общеизвестно, – правда, Федор подозревал, что легенду об отсутствии рыбы выдумали рыбаки, отпугивая соперников, так как кое-какая рыбная живность в озере все-таки водилась, он сам вчера видел; расправляли влажные крылья жучки и пчелы; пробовали голоса ранние птицы. Костер давно догорел и погас, из центра его поднималась тонкая крученая сизая струйка.

Федор с разбега бросился в озеро, в его теплые и мягкие, не остывшие за ночь воды, и поплыл на противоположный берег. Ему показалось, он понял... Он понял! Он понял одну нехитрую вещь: не отказывайся ни от чего, а когда придет время платить... что ж, тогда заплатишь. Только и всего. Он даже рассмеялся оттого, что эта простая мысль не приходила ему в голову раньше. Философ!

* * *

...Володя выпил лишнего, безбожно хвастался, хватал Тюрина за руку, обещал, что они еще намутят такого, что чертям тошно станет! Положись на меня, я в этих делах волоку, кричал Володя. Вы тут в провинции закисло, но ничего, мы с тобой еще наворочаем дел! Тюрин неопределенно молчал, вежливо улыбался. Раз или два зевнул украдкой. Лина накачивалась шампанским, иронически хмыкала, подмигивала Ние – во дает мужик! Ния отвечала вымученной улыбкой, мол, все в порядке, ну, перебрал малость, с кем не бывает. Ей было неловко за мужа – после слов Лины, сказанных на кухне, она отчетливо поняла: не будет общего бизнеса, не будет ничего. Непонятно, зачем Тюрины ходят к ним... Хотя Лина всегда повторяет, что не любит сидеть дома, что Слава ей осточертел, а тут цирк с записным клоуном – вон как распинается, обещает золотые горы. Морда красная, руками машет... да и Нию приложить не грех, эту импортную высокомерную штучку, смотрит на тебя и морщится, ах, красивое платье, ах, твой Слава такой джентльмен, ах, у вас тут не то что у нас в Вене или в Нью-Йорке! Провинция. Лина смотрит на Нию, они улыбаются друг дружке. Лина поднимает бокал – за тебя, подружка! Ния кивает. Она не пьет, сказала нездоровой. Не будет она пить с этой... Она перехватывает взгляд Славы, он смотрит на нее серьезно, и она вдруг понимает, что он здесь ради нее. Ния отводит глаза и натывается на ненавидящий взгляд Лины. Она поспешно поднимается и говорит:

– Кофе?

– Я хочу домой! – твердо выговаривает Лина и, покачнувшись, встает. – Слава, мы уходим! Вызови такси!

Володя, прерванный на полуслове, начинает уговаривать ребят остаться, но Слава поднимается вслед за женой и благодарит за прекрасный вечер. Следующий раз у нас, говорит он. Лина молчит. Разочарованный Володя выходит проводить гостей, до приезда такси они стоят на крыльце. Ния осталась одна. Она испытывала гадкое чувство от последней сцены, ей казалось, ее окунули в грязь. Нужно поговорить с Володей, открыть ему глаза... Неужели он не понимает, что никогда им не стать партнерами! Лина откровенно насмеяется... А Володя возразит: если бы Тюрин не был заинтересован, он бы не приходил, а ты – маленькая дурочка и ничего в мужских делах не понимаешь. Он притянет ее к себе на колени, полезет целоваться... от него пахнет водкой и копченой рыбой... Нию передернуло.

Хлопнула дверь. Вернулся муж.

– Проводил, – сказал Володя. – Хорошо посидели, Славка отличный мужик! Слишком осторожный, но я его дожду. Линка мне глазки строит, она, конечно, стерва, но умная баба. Вообще, меня бабы любят, у меня кураж! Славка чмо и трус... – Он упал на диван, схватил со стола бутылку виски, вылил остатки в стакан. – За тебя! Ох, и люблю я тебя, огонек ты мой ненаглядный! Куда этой простухе Линке до тебя! Ты у меня... европейский стандарт! Я видел,

как Славка на тебя косяки кидал... Ох, смотри, Агния, не вздумай! Убью обоих! – Он сжал кулаки. – Иди ко мне!

– Сейчас! – Ния вскочила. – Я только посуду уберу. Кофе хочешь?

– Потом! Иди сюда, я сказал.

– Володя, может, ну их к черту, этих Тюриных? Линка просто мерзкая, а Слава ни да, ни нет, только улыбается...

– К черту, а что дальше? – неожиданно трезвым голосом произнес муж. – Начинать с нуля, сама знаешь как... а у Славки раскрученный бизнес, мы с ним сто лет знакомы... А больше и нет никого, друзья-товарищи разбежались как крысы. На жизнь нам хватит, бедствовать не будем, но я не привык лежать на печи, мне нужно дело, понимаешь? Линка вот меня понимает, говорит, Славка слабак...

Ния вздохнула. Муж все видит по-своему, и переубедить его невозможно. Лина открыто издевается, а Володя принимает ее словеса за чистую монету. Уже в который раз Ния подумала, что *их* так легко обвести вокруг пальца, даже самые жесткие, самые умные в чем-то всегда остаются беззащитными... Почему? Наверное, потому, что уверены – никто никогда не посмеет нанести им удар. Бьют слабых, а они сильные. Слабые готовы к удару, а сильные – нет. Слабый поднимется с земли, отряхнется, утрет разбитый нос и пойдет себе. А сильный... вот тут-то и случаются трагедии.

Володя уснул на диване. Пустой стакан упал на пол. Ния укрыла мужа пледом и, стараясь не шуметь, принялась убирать со стола.

...Она лежала в супружеской постели, перебирала в мыслях встречу с Федором, прислушиваясь к храпу внизу. Вспоминала лицо Федора, его взгляд, серьезный, внимательный, как будто он пытался понять... свое острое желание погладить его по щеке... у него седые виски, морщинки в уголках глаз... жесткий рот... мужественный подбородок... Не мальчик, но муж. Дура, перестань о нем думать, одернула она себя. Ничего не будет, а если и будет, то это тупик, неужели непонятно?

Господи, что же делать? Что делать? Должен быть выход... не может не быть. Нужно только нащупать дверь...

Она проворочалась до утра, встала с головной болью, в дурном настроении, злая. Накинула халат, спустилась в гостиную. Муж возился на кухне, жужжала кофемолка, пахло поджаренным хлебом.

Она стояла на пороге, наблюдала. Здоровый, широкоплечий, с крупной седой головой... каждое его движение было скупое и выверенное, муж передвигался по кухне, будто танцевал... Хищник, подумала Ния. Не отпустит... Что же делать?

– Как ты спала, девочка? – Володя заметил ее, подошел, поцеловал в лоб. – А я уснул на диване! Хорошо посидели вчера, правда? Мы договорились с Тюриным обсудить кое-что сегодня. Лина сказала, что он почти готов.

Лина сказала... Ния раздула ноздри.

– Хорошо. Володя... – начала она нерешительно, – подожди, не спеши. По-моему, Тюрин не готов, провинциалы такие осторожные, а ты прешь как танк!

– Не говори, чего не понимаешь, девочка. Все будет хорошо. Знаешь, я вдруг понял, что не хочу назад в Европу, устал я от них, а здесь я дома. Как сказано в Библии, время разбрасывать и время собирать... правильно сказано! Наш урожай теперь здесь.

– В Библии сказано про камни, – заметила Ния.

– Какая разница! – рассмеялся муж. – Главное, процесс пошел! У нас осталось мясо? Нука, доставай, и прошу к столу!

Глава 6

Друзья

Всю дорогу капитан Астахов ворчал на Савелия Зотова за то, что пошел у него на поводу, поддался уговорам, позволил сделать из себя идиота. Савелий молчал, прекрасно зная, что отвечать не имеет смысла, так как Коля слышит только себя и ему необходимо выговориться. Настроение накатило. Главное то, что они все-таки едут искать Федора. Впервые за последние три дня у Савелия отлегло от сердца – сейчас они увидят Федора, убедятся, что все с ним в порядке, выгрузят продукты и сырую рыбу, и Савелий примется стряпать уху.

Коля бубнил недовольно, машина рывками продвигалась по неровной проселочной дороге, Савелий сидел тихо как мышь под веником, ухватившись за ручку на потолке. На очередном ухабе Коля прикусил язык, резко выразил свое недовольство и заткнулся.

Внезапно открывшееся Магистерское озеро сверкнуло синевой им в глаза, и Савелий обрадованно закричал:

– Приехали!

Он выскочил из машины, побежал к хижине дяди Алика, распахнул дверь. Хижина была пуста. Савелий растерянно стоял на крыльце.

– Ну что? – спросил Коля. – Где Федор?

– Его... нет, – произнес Савелий.

– Ну, значит, на пляже. Вот машина стоит – значит, здесь. – Он махнул рукой на припаркованный у домика белый «Форд» Федора.

Крошечный песчаный пляжик был девственно-чист и пуст. Савелий и Коля переглянулись.

– Прекратить панику, Савелий! – приказал Коля. – Сейчас найдем. Иди посмотри за домом, а я пройдусь вокруг озера.

Они разбрелись. Савелий прикладывал ладони рупором ко рту и звал Федора. Молчание было ему ответом.

Минут через двадцать Коля вернулся. Савелий бросился ему навстречу. Коля развел руками. Савелий судорожно сглотнул, хотел что-то сказать, но не сумел выдать из себя ни звука.

Изумительный августовский день на глазах померк и стал зловещим. От шелеста камыша мороз пробежал по спине Савелия. Нарядное озеро сверкало, безмятежно покачивались желтые кувшинки да мял траву легкий ветерок. Тишина вокруг стояла кладбищенская, от нее закладывало уши; нигде не было видно ни души. Савелий почувствовал дурноту и головокружение и сел... почти упал на песок. Он подумал, что никто не знает, что здесь произошло, а природа – молчаливый и равнодушный свидетель – ничего не расскажет. Коля поспешно разделся и бросился в воду. Нырнул. Савелий видел, как он опустился на дно и зашарил руками в водорослях. Вынырнул, с шумом вдохнул воздух и нырнул снова. Савелий закрыл лицо руками. Коли все не было, и Савелию стало страшно. Он сбросил кроссовки и вошел в воду, стараясь рассмотреть на глубине Колю. Он так увлекся, что не слышал шагов за спиной. Федор встал рядом на берегу и сказал:

– Савелий, ты как сюда попал?

Савелий вскрикнул от неожиданности, выскочил из воды и бросился на шею Федору.

– Федя, ты жив! Мы тебя искали... где ты был?

– Савелий, ты чего! Конечно, жив. Собирал ежевику, здесь ее полно. Коля тоже приехал? Где он? Это вы тут оралы?

Савелий показал на воду.

– Там! Федя, его давно уже нет! Он искал тебя. Мы думали, что ты... там...

Федор, недолго думая, бросился в озеро и нырнул. Полиэтиленовый пакетик с ежевикой остался лежать на песке. Савелий снова полез в озеро. Он видел, как Федор достиг дна и исчез в зарослях. Савелий беспомощно оглянулся, прикидывая, куда бежать за помощью. Бежать было некуда, вокруг было пусто...

– Ну что, – услышал Савелий за спиной голос капитана, – не вернулся?

– Коля! – закричал Савелий. – Где ты был?

– На дальнем конце озера, смотрел в камышах. Не вернулся, спрашиваю?

– Вернулся, вернулся!

– Вернулся? Где он?

– Нырнул за тобой! Мы думали, что ты... с тобой что-нибудь случилось!

– Японский городской! – рявкнул Коля. – Ты, Савелий, как старая баба! Я тебе сразу сказал, он здесь где-то, а ты, блин, заладил! Надо было стоять на месте и ждать!

Теперь они оба стояли в воде и смотрели в глубь озера.

– Вон он! – закричал Савелий, тыча пальцем. – Слава богу! Федя, Коля нашелся!

Спустя полчаса они сидели у костра. Савелий возился с рыбой, Федор чистил лук и морковь. Коля вытаскивал из сумки бутылки и стаканы.

– Молодцы, ребята, что приехали, – говорил Федор. – Не ожидал от тебя, Савелий, ты же далек от романтики. А здесь здорово! Честное слово, не ожидал, ребята.

Обгоревший до красноты, с трехдневной щетиной, рассыпанными влажными волосами, он был не похож на лощеного Федора, что немедленно отметил Савелий, выразительно взглянув на Колю. Коля вскинул брови и недовольно спросил:

– Чего тебе, Савелий? Чего опять удумал?

Савелий только вздохнул.

– А ты, Федор, не темни! – Коля закончил расставлять стаканы. – С какого перепугу ты смылся из города? Савелий мне все уши прожужжал, что-то случилось, он всегда, мол, сбегает в критических ситуациях... и я, дурак, поддался. И тут тоже поддался, кинулся нырять как долбанутый!

– Ничего не случилось, просто захотелось побыть одному. Через пару недель начинается учебный год, уже не выберешься...

– Свисти больше! Савелий спец по бабским книжкам, а в книжках главный герой, когда прижмет, всегда сваливает на природу... вот он и решил, что ты вляпался неизвестно куда и попал. Это баба?

– Своих отношений с женщинами я не обсуждаю, – высокомерно заявил Федор, бросая морковь в котелок.

– Значит, баба, – сказал Коля. – Савелий, с меня бутылек. Ты что хочешь, кока-колу или апельсиновый сок? А ты, Федор, не прав. Мы твои друзья, все бросили... Савелий вон детей бросил, приехали, чуть не ох... в смысле, перепугались до зеленых соплей! Савелий решил, что ты утоп нафиг, и бряк в обморок! Я шарю по водорослям, там крапива, все руки к чертовой матери пожег! – Он помотал в воздухе красными руками.

– Я не... это самое... – запинаясь, возразил Савелий. – Ну да, испугался. И главное, ни души! И машина твоя стоит... а тебя нет. И телефон ты не взял...

– Спасибо, ребята, – сказал Федор. – Я не прав. Рад, что вы приехали, честное слово! Останетесь? Сегодня суббота, завтра с утра посидим с удочкой... Как?

– Я остаюсь, – сказал Коля. – Мне нужно расслабиться! – Он щелкнул себя пальцами по горлу. – Савелий?

Вопрос был некорректный. Они приехали на Колиной «Хонде» и добраться до города Савелий мог разве что пешком через луг до пешеходного моста или попуткой, до которой шагать и шагать. Он вздохнул и сказал, что остается. Правда, добавил он, у меня срочная

работа. На что капитан иронически фыркнул и сказал, а вот у меня работы ни хрена нет и куда нам до вас, чернокнижников! Федор ухмыльнулся и подмигнул Савелию. И вообще, иногда лучше жевать, чем болтать, а еще лучше накатить, заметил капитан и потянулся за бутылкой...

Глава 7

Подруги

Ния пришла первой, спросила кофе. Уличное кафе было очаровательным: полотняные в синюю полоску зонтики, деревянные нарочито грубые, в стиле «рустик», столы и плетеные из лозы креслица; цветы в горшках, петунии... В городе любили петунии. Они были везде, жизнерадостные, сладко благоухающие, сочных глубоких колеров. Народ тек мимо; иногда Ния встречалась взглядами с прохожими – тротуары были неширокими; ей казалось, что она принимает гостей, что вся эта толпа пришла к ней в дом.

Пару дней назад Ния по памяти набрала номер телефона школьной подружки, настроение накатило, захотелось вдруг поговорить и вспомнить. К ее удивлению, номер был «живой», и ей ответили. Настя, произнесла Ния, чувствуя ком в горле... Настенька!

...Она увидела Настю издали; всматривалась, узнавала и не узнавала. Короткая стрижка вместо длинных волос, похудела, пожалуй, исчезли пышность и округлость; слишком короткая юбка, слишком открытая блузка. Золотая сумочка и золотые босоножки. Ния подумала, что они всегда были как сестры, даже одевались одинаково, и учились одинаково, и в школе, и в институте, только у Нии был Федор, а Настя... сначала спуталась с учителем физкультуры, бывшим спортсменом, накачанным приматом с глупыми анекдотами, потом – с соседом-мен-том. Ее всегда тянуло на приключения, она всегда подбивала Нию на скороспелые встречи с какими-то сомнительными молодыми людьми, кричала: «Ой, Агничка, познакомилась в троллейбусе, на улице, в магазине с таким чуваком, закачаешься! Договорились на сегодня, он придет с другом! Пошли!» И если бы у нее, Нии, не было Федора, кто знает...

Она поднялась навстречу подруге.

– Агничка! – закричала Настя. – Господи, глазам своим не верю! Это ты?

– Это я! Честное слово.

Девушки обнялись.

– Шикарно выглядишь! Надолго к нам?

– Навсегда, Настя. Навсегда.

– Ты чего, мать, народ сваливает, а вы вернулись?

– Потянуло домой.

– Я бы никогда не вернулась! Ты в своей старой квартире?

– Нет, мы купили дом в Еловице. Что будешь? Кофе, мороженое?

– А покрепче можно, за встречу? Я так рада, что ты вернулась... Сколько ж это лет прошло? Пятнадцать! Хочу шампанского! И мороженое! Агничка, знаешь, я как услышала твой голос, прямо чуть в обморок не грохнулась! Ты совсем не изменилась! Вы давно приехали?

– Четыре месяца уже. Не звонила раньше, все руки не доходили. То дом присматривали, то контейнеры получали, потом обустроивались... Обязательно приглашу тебя, познакомлю с Володей, посидим. Ты как, замужем? Дети?

– Была. Сейчас нет, разбежались. Детей нет. Встречаюсь с одним, но чувствую – не то. Ой, Агничка, тут и поговорить не с кем, ты была моя лучшая подружка! Помнишь, как мы вышивали на дискотеке? Прекрасное было время! Молодые, красивые, мальчики табуном... Кстати, я иногда вижу в городе твоего Федю Алексева. Шикарный мужик стал! Ты его уже видела?

Ния пожала плечами.

– Зачем? У него своя жизнь, у меня своя.

– Я помню, как он переживал, когда ты свалила. Черный ходил! Тебя все страшно осуждали, особенно девчонки. Говорили, он бросил институт, собирается уехать. Оказалось,

брехня. Он теперь профессор... и такой красавчик! Я однажды увидела его, хотела поздороваться, а потом подумала, что он не захочет меня признавать. Он в нашем универе, у меня там знакомая, говорит, философию читает, все они там от него прямо без ума!

Им принесли шампанское, к счастью. Слушать болтовню Насти Ние было невмоготу. Они выпили.

– Обожаю шампунчик! – воскликнула Настя. – Помнишь, как ты перепила на моем дне рождения? И вызывали «Скорую»? – Она расхохоталась. – Ты была как неживая! Я думала, подохну от страха! А ты держишь меня за руку и бормочешь: «Настик, не отдавай меня!» Помнишь?

Ния вздохнула. Пятнадцать лет – большой срок, нам кажется, что мы не меняемся, но это не так. Мы стали другими. Она смотрела на Настю, оживленную, с раскрасневшимся лицом, слишком громкой речью, и жалела, что поддалась чувству ностальгии... как там сказал какой-то древний философ про речку, в которую нельзя войти дважды? Вот и нечего пытаться, умный человек напрасно не скажет. У Насти длинные ярко-красные ногти, губная помада в тон, густая синева на веках. Ноготь на указательном пальце на правой руке сломан. Ния все время смотрела на сломанный Настин ноготь...

Настя вытащила из золотой сумочки пачку сигарет, взглянула вопросительно. Ния кивнула. Настя затянулась, картинно выпустила дым, повела взглядом по соседним столикам.

– Посмотри, – прошептала, – там мужик на нас пялится!

Ния оглянулась и увидела Славу Тюрина. Он привстал и кивнул.

– Твой знакомый? – спросила Настя.

– Деловой партнер мужа.

– Женат?

– Женат, двое детей.

– Нет, ну ты подумай! – Настя потыкала сигаретой в пепельницу. – Как нормальный и при деньгах, так обязательно женат. Давай еще по бокальчику, подружка! Я так рада, что ты вернулась! А может, у твоего мужа есть и неженатые партнеры?

Она еще больше оживилась, говорила еще громче, хохотала... Ния подумала, что была такой же... когда-то. Настя не переменялась, а она, Ния, стала другой.

– Ты работаешь? – спросила она.

– В нотариальной конторе, секретарем, за копейки! А ты закончила или бросила? Ты говорила, переведешься на заочный...

– Бросила. Мы уехали и... – Ния развела руками.

– Ну и правильно! На кой хрен, если муж нормальный... а тут и выйти не за кого, одни жлобы кругом. Ой, какое колечко! Это брюлик? – Она схватила Нию за руку. – Какая прелесть! Дай примерить!

Ния стащила с пальца кольцо, протянула Насте. Та с трудом натянула его на безымянный палец, повертела рукой и сказала восхищенно:

– Шикарно! Просто шикарно! Ну вот, теперь не снять! – Она расхохоталась.

Ния вдруг сказала, неожиданно для себя:

– Оставь, дарю.

– Правда? – Настя перегнулась через стол, обняла Нию и звонко чмокнула в щеку. – Спасибо, подружка!

Они сидели еще около часа, болтали... вернее, болтала в основном Настя, рассказывала о девчонках из их группы, кто на ком женился, развелся, уехал... о преподавателях, пересказывала городские сплетни...

Ния слушала вполуха и думала о Федоре...

Глава 8

Рубикон

«Озерные» каникулы, или побег, закончились, и Федор вернулся в город.

В ту ночь капитан Астахов с подачи Савелия попытался вывернуть его наизнанку и дознаться, в чем причина внезапного уединения – теплая ночь, полная звезд и воплей влюбленных лягушек, костерок, выпить и закусить... Тем более Савелий давно спит. Обстановка вполне доверительная и располагающая, так и тянет излить душу, но Федор сделал вид, что не понимает. Он так искренне удивлялся, что капитан понял, что оторванный от жизни Савелий с его бабскими книжками, возможно, не так уж не прав. Путем логических построений он пришел к выводу, что *событие* произошло сравнительно недавно, после чего Федор сразу же рванул в убежище. Что можно понимать под «событием», спросил себя капитан. Ежу понятно, что это не карьера, или внезапное помутнение рассудка, или ссора с коллегами, или острое желание сменить род деятельности. И в результате ему якобы нужно осмыслить жизненный перекресток, то есть в какую теперь сторону податься. Другими словами, витязь на распутье. Насчет смены рода деятельности вообще ни в какие ворота – Савелий сказал, что Федор заканчивает очередную заумную статью, профессиональное хобби такое – напускать туману и мучить студентов. Все остальное тоже сомнительно. Остается одно. Вернее, одна. Женщина. Тут французы правы, от них все зло. Взять мою Ирку, подумал капитан, не простивший испоганенную любимую рубашку. Но Федор умеет классно лавировать, вспомнил капитан. Никогда никаких проблем с ними, скользит водомеркой, со смешком, шуточками, комплиментами, целует ручки, заглядывает в глаза и, главное, потом никаких претензий! Вот что удивительно. Исчезают без звука и признаков недовольства. И друзьями остаются... Скользкий тип, с завистью подумал капитан. Умеет-то он умеет, но на всякого мудреца довольно простоты, и, похоже, философ попал. И возникает вопрос: кто она? Не коллега по работе, так как ураган налетел внезапно. Скорее случайная встреча, роковая неожиданность... в кафе, в парке, на улице – уронила сумочку, Федор, разумеется, поднял, протянул, встретились глазами и...

Облом, сказал себе капитан. Федор не пацан, его на понт сумочками не возьмешь, он должен «принюхаться» к даме и убедиться, что они одной крови. Интеллект, эрудиция, само собой, не дура. Так кто же она, прекрасная незнакомка? То, как Федор заметал следы и требовал прекратить инсинуации, убедило капитана, что Савелий, нахватавшийся из бабских книжек жизненного опыта, возможно... гипотетически, как любит говорить Федор, – прав. Капитан с удовольствием установил бы за Федором наружку, не любопытства ради, а чтобы дознаться, что происходит. Если Федор молчит как рыба, то опять-таки возможно, что женщина несвободна.

А с другой стороны, так ему и надо, а то все легко достается, решил капитан. Ничего, прижмет, сам прибежит, тогда посмотрим. Капитан даже ухмыльнулся в предвкушении, представляя себе, как Федор прибежит поплакаться в жилетку и за советом. Не к Савелию, который ни уха ни рыла в подобных делах, а к нему, капитану Астахову. При этом он прекрасно отдавал себе отчет, что Федор Алексеев никогда не прибежит за советом ни к нему, ни к кому другому. Из серии: мечтать не вредно.

Ну и ладно, сказал капитан, а то придумали проблему на ровном месте! Будто мне своего горя мало. А все путаник Савелий...

Федор поднялся к себе на третий этаж, отпер дверь. Квартира встретила его душной тишиной, и он поспешил распахнуть балкон. Стало еще хуже – с улицы потянуло запахами выхлопов и какой-то пригоревшей дряни, и он вздохнул. Послонулся из комнаты в кухню и обратно, засыпал кофе в кофеварку и налил воды; упал в кресло за письменным столом, включил компьютер и побрел в душ...

* * *

Он сварил себе кофе... как же без кофе! «Пролистал» новости в Интернете, заставил себя открыть статью, чувствуя, что она перестала интересовать его совершенно.

Видимо, он задремал. Дверной звонок заставил его подскочить. В комнате сгустился сумрак; легкий вечерний ветерок шевелил шторы. Он прислушался, полагая, что звонок ему приснился. Звонок повторился. Федор отправился в прихожую и открыл дверь. Потом ему казалось, он знал, кто пришел. Знал или чувствовал.

Ния смотрела на него, молчала... Оба, казалось, не представляли себе, что делать дальше. Федор втянул Нию внутрь, прикосновение было как ожог... Запах ее волос, кожи... Теряя голову, он нашел ее губы, узнавая и не узнавая их вкус. Все как когда-то, все иначе... Лестничные сквозняк с громким стуком захлопнул дверь. Они этого не услышали. Безумием были их тесные объятия, безумием были поцелуи, причинявшие боль...

Они бежали по дороге, которая никуда не вела. Они возвращались.

– Подожди, Федя, – Ния оторвалась от него, и он опомнился. – Подожди...

– Пошли! – Он взял ее за руку.

* * *

...Они лежали, обнявшись. Молчали. Говорить было не о чем. Когда-то они говорили о будущем...

Федору хотелось спросить, что скажет муж, если она поздно вернется. Ему вообще хотелось расспросить об этом человеке, хозяине жизни, с которым пятнадцать лет назад они были соперниками. Хотя какие там соперники – крутой мужик и самоуверенный мальчишка! Не было соперничества, тот увел его девушку играючи, и она, не оглянувшись, не сказав ни слова, ушла с ним. Он думал, навсегда, оказалось, нет. «Вилла... яхта... приемы», – вспомнил он, машинально целуя ее пальцы на своих губах. Его раздирали обида и желание вывернуть ее наизнанку, расспросить – вполне пацанские, как он понимал. Или мужские, что часто одно и то же. Ему пришло в голову, что их близость, его жажда и нетерпение – не что иное, как желание отыграться, а ее покорность – просьба о прощении. Ох уж эти философы! Жизнь намного проще, чем им кажется, и не нужно докапываться до смысла каждого слова, жеста или взгляда. Или поступка. Иногда нужно принять все как данность и оставить как есть. Нужно-то нужно, да кто ж выдержит, если обида, этот монстр с зелеными зенками, скалит зубы, науськивает и подталкивает в спину...

Ния привстала на локтях, прижалась губами к его губам, и он сгреб ее, чувствуя тяжесть и тепло ее тела и сбитое дыхание. «Еще... еще...» Он помнил ее манеру повторять «еще... еще...». Ее шепот, как раскачивающийся маятник, раздирает тело и причинял боль, и тело с готовностью и восторгом повторяло его движения, принимая боль и желая ее...

Они не зажигали света. В комнате было темно. С улицы долетал невнятный шум движения и шарканье шагов. «Мне пора...» Ния легко поднялась. Федор остался лежать. Он понимал, что теперь будет диктовать она, мужняя жена, она будет приходить и уходить, а он будет оставаться. Остаться и ждать. Раньше они строили планы на будущее, смеялись, болтали о всякой ерунде. Теперь же молчали, не зная, что сказать, не до конца понимая, что произошло и что будет дальше. Не зная, как расценить... Возможно, каждый ожидал движения или слова другого, чтобы встроиться и подхватить... поймать волну. Возможно, нужно было поговорить начистоту, задать прямые вопросы и получить прямые ответы. Но они не знали, как это сделать. Возможно, боялись инстинктивно, что нарушится хрупкое равновесие реальности. Боялись того, что могут услышать.

– Я напишу тебе, дай адрес! – сказала Ния напоследок.

Негромко хлопнула входная дверь, и то, что было, перешло в разряд свершившегося факта и стремительно ухнуло в прошлое...

Федор, угрюмый, поднялся и, не одеваясь, как был, пошел в кухню сварить кофе, мельком отметил, что мог бы предложить кофе Ние. Отметил без сожаления, как мелкую возможность, которая не случилась. Он ничего ей не предложил... не сообразил. В другой раз. В другой раз? Он хмыкнул и подумал: а будет ли другой раз? Он понимал, что вопрос следует задать по-другому: а хочет ли он, чтобы был другой раз? Он даже не спросил, как она нашла его...

Он вернулся с кружкой кофе, включил свет и остановился перед диваном с разбросанными простынями. И понял с ослепительной ясностью, что хочет, чтобы состоялся их другой раз, третий, четвертый, и... Хочет! Он был голоден. Голод собрался в низу живота, ворочался там, причиняя боль, и он положил на живот руку, пытаюсь утихомирить зверя. Он чувствовал мощные голодные пульсы, от которых меркло в глазах, чувствовал ее губы и запах, и его трясло от желания. Он готов был отдать жизнь, подохнуть за то, чтобы пережить еще раз взгляд глаза в глаза, тяжесть ее тела, бег за пределы, пронзительное ожидание взрыва... И взрыв.

Он глотнул кофе, завернулся в простыню, пахнувшую Нией, и упал в кресло перед компьютером; потыкал дрожащими пальцами в клавиши, закрыл глаза. И понял, что готов взять желаемое и готов платить.

Бери, что хочешь, но плати...

Глава 9

Рутина

Где взять мне силы разлюбить, И никогда уж не влюбляться? Объяты наши разлепить, Окаменевшими расстаться. О, как вернуться не успеть, О, как прощенья не увидеть, То нестерпимое стерпеть, Простить и не возненавидеть...

Н. Зиновьев. Мольба

...Он ждал ее на следующий день, и на следующий после следующего, но Ния все не приходила. Они увиделись через две недели; она чувствовала себя виноватой и прятала глаза. Сказала, что муж уехал, и они могут побыть вместе. Утром он получил короткую записку по электронной почте: «Сегодня вечером. Ния».

Могут побыть вместе... Как долго, вертелось у Федора на языке, но он промолчал. Его решение принять обстоятельства, а там будь, что будет, вели в никуда, и он прекрасно это понимал. В их втором свидании была безысходность, так ему показалось. Они снова говорили о каких-то мелочах вроде погоды, надоевшем дожде и бабьем лете, которое должно было вот-вот наступить. Наигранное оживление Нии было неприятно Федору, ему хотелось тряхнуть ее хорошенько и сказать: «Ния, это я! Ты ничего не хочешь мне сказать? Что происходит? Ты с ним или со мной?»

Он не желал принимать ее в качестве тайной возлюбленной, она же молчала, уводя взгляд.

– Я была в парке, – сказала она. – Помнишь, как мы бродили там осенью? Листья на кленах красные и желтые... помнишь?

– Помню. Ния, что ты думаешь...

Она закрыла ему рот ладошкой, взмолилась:

– Федя, дай мне время... пожалуйста! Я люблю тебя, я все это время любила тебя... я поняла, что у меня есть только ты! Не торопи меня! Я виновата, я знаю, я была глупая легкомысленная девчонка, я не умела любить, я побежала за блеском... не суди меня. Сейчас все может быть иначе. Ты только подожди! Я люблю тебя...

Он готов был ждать, а что еще ему оставалось? Ни он, ни она не знали, сколько. Год? Два? Надо подождать, сказала она. Казалось бы, что за проблема, если оба готовы менять судьбу? Скандала не избежать, разводы дело грязное, что ж, придется пережить. Если они вместе, если принято решение... если! А принято ли? Федор этого не знал. Это носилось в воздухе и как бы подразумевалось. Когда-то подразумевалось, что они навсегда... Сейчас он хотел большего, гарантий... выражаясь языком бизнеса. Будучи эгоистом, он хотел внятных гарантий, вот так. Чего-нибудь вроде обещания поговорить с мужем, расставить точки над «i», не принимая ни ее малодушия, ни трусости. Ему пришло в голову, что пятнадцать лет назад она бросила его и исчезла, не объяснившись, не сказав ни слова... и сейчас история, похоже, повторяется. Он должен ждать, подыхая от любви и неизвестности, а она будет приходить, когда мужа не будет дома. Бросать короткие оскорбительные записочки. Незавидная роль персонажа второго плана. Унизительная роль влюбленного и ревнивого любовника. Ждать и представлять ее с другим, с тем, у которого права на ее тело и душу, с мужем. Он страстно желал ее – прошлое, казалось, вернулось, но не слишком ли велика плата? Он давно уже не тот мальчишка...

Какая там плата, рассмеется здравомыслящий хомо сапиенс. О какой плате речь? Не ты первый, не ты последний, подумаешь, проблема! Сколько адюльтеров свершается каждый день... немерено! Сбегают от постылого мужа или от постылой супруги к счастливому любовнику или любовнице, возвращаются домой, врут в глаза, выдумывают причину опоздания, а на публике делают вид, что не знакомы... с теми. Суется, с готовностью выполняя всякие мел-

кие поручения жены, вроде выброса мусора, пробежки в магазин или прибивания упавшего карниза. Так что, в широком смысле, адюльтер – залог крепких семейных отношений.

Но это не наш случай. Федор высокомерен и знает себе цену. Роль тайного любовника не его роль; и не нужно забывать о ревности. Мы давно не спим вместе, я с ней только из-за детей, она без меня пропадет, он не сможет без меня... в эти отговорки верит только тот, кто не дает себе труд открыть глаза. Тот, кто рад обманываться. Слабый.

Но это все приходило ему в голову в долгие ночные часы без сна, когда он раздумывал об их отношениях; засыпал он лишь на рассвете и, проспав, летел на занятия. Утром он бросался к компьютеру проверить почту, а днем с нетерпением ждал вечера, потому что придет Ния. Возможно, придет – а вдруг планы переменялись. Он даже не мог позвонить ей... она попросила не звонить. Ее осторожность резанула его, он чувствовал, что во второй раз проигрывает ее мужу, крутому мужику, которого она боялась потерять. И снова, как когда-то, он понимал, что беззащитен и наг.

Понимать-то понимал, но ничего не мог с собой поделать.

Ния снова пропала на долгие две недели. Потом прибежала, расплакалась, бросилась ему на шею...

Федор смирился.

Она сказала, завтра у меня. Володи не будет. Я хочу, чтобы ты посмотрел, как я живу! Я буду вспоминать каждую нашу минуту... потом. Придешь?

Он пришел. Поздно вечером. Она открыла дверь, прижалась. Сказала: «Вот мой дом! Я такая счастливая, спасибо, что пришел!» Маленький кудрявый песик осторожно его обнюхал. Это Декстер, сказала Ния. Он не кусается...

Она накрыла журнальный столик у громадного кожаного дивана с дюжиной подушек... какие-то деликатесы, вино... включила музыку. Они выпили. Она говорила бурно, рассказывала о каждой картине на стене, о фарфоре, серебре... называя имена художников и дизайнеров, которые были ему неизвестны. А он невольно косился на дверь, ожидая внезапного возвращения супруга. Она вдруг заплакала, вся живость исчезла, как и не было. Он привлек ее к себе, она всхлипывала... Он чувствовал, как колотится ее сердце, она прижалась горячими солеными губами к его губам...

– Я буду сидеть на диване и вспоминать, как мы здесь... – Она выговорила полуприличное слово, с торжеством и злобой. – Я его ненавижу! Я хотела, чтобы... чтобы мы любили друг дружку на этом чертовом диване, он здесь спит днем! Пьяный... храпит! Налей мне вина!

Она целовала его грудь, проводила пальцами по его лицу... что-то шептала, поднимала голову, прикивала к его губам, поцелуи их становились все неистовее...

Федор вернулся домой под утро. Мигал красным глазком телефонный аппарат – автоответчик рвался рассказать, кто звонил. Три звонка, и все от Савелия Зотова. Он сообщал, что они собирались к Митричу, нужно отметить начало учебного года, они с Колей хотят поздравить... и вообще узнать, как дела. А мобильник Федора не работает. Савелий, по своему обыкновению, заикался и мучительно подыскивал слова. Попросив Федора перезвонить, он еще немного подышал в трубку. Во второй раз он спрашивал, что случилось, почему Федор не отвечает... и не может ли он, Савелий, чем-нибудь помочь. Федор ухмыльнулся. Савелий – известный паникер... вот и на озеро примчался, вообразил себе невесть что. Прав капитан, чтение дамских романов не проходит бесследно. Он подумал, что с удовольствием сбежал бы на озеро снова... возможно, холодная купель отрезвит его. Он вспоминал дом Нии... После дома Нии его однокомнатная квартира, которой он был вполне доволен до сих пор, показалась ему ничтожной. Взгляд его упал на диван, и он увидел их обоих... в сбитых простынях... здесь и там... на диване, где днем храпит ее пьяный муж.

– Федя, что случилось? – кричал Савелий. – Уже первый час ночи! Где ты? Перезвони немедленно! Федя... Федя...

Федор, не дослушав до конца, стер запись.

Он постоял под душем, холодным и горячим попеременно; сварил кофе и стал одеваться – сегодня у него первая пара...

Глава 10

Бомба

После двух недель пустоты коротенькая записка: «Сегодня у меня. Жду. Ния». Федор не почувствовал ничего. Ни трепета, ни восторга, ни горечи. Похоже, выгорел. В квартире было холодно, он поднялся закрыть окно и увидел, что пошел снег. Невесомые редкие снежинки мельтешили в воздухе, не спеша приземляться. Светило солнце, бледно голубело небо; на перила балкона села ворона, посмотрела на Федора круглым глазом-бусиной и хрипло каркнула. Ему показалось, ворона сказала: «Ду-р-рак!»

Он задержался в университете допоздна, разбирал материалы к семинару, заставляя себя не смотреть на часы, представляя, как она ждет, прислушивается к каждому звуку, бродит по дому, стоит у окна. Он понимал, что это прощание. В первый раз их история была трагедией, во второй... даже трудно сказать, чем. Шквалом, должно быть. Или ожогом. Вспыхнуло и... Или фарсом. Он чувствовал, что в нем сидят два разных человека. Один, ухмыляясь, убеждает – не будь дураком, рви, что можешь, тебе же ни с кем не было так хорошо... черт с ним, с мужем, наплевать! И не надо тут строить из себя, подумаешь, нежный какой! Все так делают! А другой, до сих пор обиженный, не простивший и не забывший кричит: уходи, не унижайся! Это болото!

Ох, уж эти мне философы, сказал бы капитан Астахов...

Дома он бросился к компьютеру проверить почту. От Нии ничего не было. Он долго не мог уснуть, пытаясь осознать, что же произошло, было ли это временным помрачением или обиженный человек в нем пересилил и победил ухмыляющегося. Неужели он злопамятен? До сих пор он за собой ничего подобного не замечал. Леня Лаптев, его очень, летописец и биограф, который сочиняет и травит о нем анекдоты, любит повторять, что с Философом всегда можно договориться. «Договариваться!» – девиз Федора. Но, видимо, бывают жизненные перекрестки, где это не срабатывает.

Так, ни к чему не придя, он забылся под утро некрепким сумбурным сном. Ему приснилась Ния, она тонула и звала на помощь, а он стоял на берегу, не в силах тронуться с места. Вокруг был безмятежный солнечный день, сверкала вода в озере, шевелились камыши. Она тонула, а он стоял и смотрел...

От сна осталось тяжелое чувство необратимости, вины и мрака.

Она не написала ему ни на другой день, ни потом. Он, тоскуя, подошел как-то к ее дому, послонялся вокруг, постоял, рассматривая светящиеся окна и тени людей на шторах. У Нии были гости. Ему показалось, что он услышал музыку. И Федор понял бесповоротно, что у нее своя жизнь и в эту жизнь он никак не вписывается. Она ненавидит мужа? Это не повод для разрыва, это повод для прыжков на стороне. И он, Федор, хорош тем, что неопасен...

На том вроде и кончилось. Воспоминания бледнели и размывались, тем более приближался конец года, и работы было невпроворот. И непонятно было, что имела в виду судьба, запустив подобный жизненный вираж...

...У Савелия Зотова в декабре день рождения, двенадцатого числа. И у них традиция – устраивать мальчишник у Митрича, который помнит и готовится. Они его любимые клиенты. Не клиенты, а друзья. Митрич испечет торт, вернее, не Митрич, а его шеф-повар Ян Засуха, и тут будет всего: и розочек из крема, и чернослива, и орехов. А в центре – свеча, обвитая золотой ленточкой; возможно, надпись: «Будь здоров, Савелий!» Свеча будет сгорать, потрескивая, розочки начнут таять и растекаться. Митрич принесет пузатую бутылку «Hennessy»...

Они договорились о встрече. День рождения Савелия – это святое. Первым, как всегда, пришел именинник, с красным обветренным лицом и багровым носом – на улице почти шторм,

метет и завывает, будь здоров. Уселся за «отрядный» столик в углу. Потом появился Федор Алексеев в своей знаменитой широкополой шляпе, засыпанной снегом. Савелий со слезами умиления наблюдал, как он идет к столику, держа в руке мокрую шляпу, с которой капает талый снег. Вернулся! Они не виделись почти три месяца, все попытки Савелия вытащить Федора на люди заканчивались ничем. Занят, сегодня никак, как-нибудь в другой раз. Савелий извелся и извел капитана, который, услышав его голос в трубке, тут же вырубал связь. И что самое главное – молча: как услышит голос Савелия, так сразу и вырубает. Федор похудел и побледнел, отметил Савелий, но держится бодро. И шляпа! Знаменитая шляпа Федора, даже в шторм, даже в снегопад. Торговая марка, ничего не попишешь. Учни Федора однажды украли ее и надели на бронзового Коперника в вестибюле... Было дело. После этого Федору припаяли кличку Коперник, правда, ненадолго – Философ победил.

Он поднялся навстречу Федору, припал к его плечу. Они стояли так долгую минуту...

А потом пришел капитан Астахов.

– Привет, Савелий, расти большой, – сказал капитан. – А это кто у нас? Никак философ? Живой и невредимый? И шляпа тут? Значит, точно он. Вот видишь, Савелий, а ты с ума сходил. Нашего философа, Савелий, голыми руками не возьмешь. Я же говорил, отобьется.

Капитан и Федор обнялись. Савелий шмыгнул носом. Митрич, заметив, что все в сборе, уже спешил с коньяком и тортом. В торт была воткнута малиновая свеча с золотым бантиком, она горела, распространяя удушливый запах ванили, сине-оранжевое пламя колебалось на сквознячке. Розового крема витиеватая надпись гласила: «Долгих лет, Савелий!»

– Подарок! – Федор достал из папки плоский сверток, протянул Савелию.

Савелий смутился и обрадовался. Снял ленточку, развернул и замер. Это была черная с золотом шариковая ручка «Монблан», невероятной красоты и такой совершенной формы, что дух захватывало.

– С днем рождения, Савелий!

– От нас с Ирккой, – сказал капитан, протягивая такой же плоский сверток. – Расти большой, Савелий!

В свертке оказалось красивое портмоне бордового цвета с золотой монограммой «СЗ». Портмоне благоухало кожей и лаком.

– Спасибо, ребята! Я так рад, что мы вместе, честное слово! И ты, Федя! – залепетал сияющий Савелий. – А помните, ребята, как мы были на озере? В августе? И костер, и уху варили. А Федя насобирали ежевики. Просто не верится, что уже три с половиной месяца... Давайте летом опять!

– Помним, Савелий, все помним! Как ты заставил меня искать философа на дне, как бегал по берегу... разве такое забудешь? И я, главное, поддался! Ну, Савелий! Представляешь, Федя, я поддался! Шарился в водорослях и камышах, бегал по берегу, звал! Обжегся крапивой, идиот!

– Но я действительно... я не знал, что думать, честное слово! – Савелий приложил руки к груди. – Его же нигде не было! И телефон дома оставил!

– Ладно, Савелий, проехали, живи пока. А ты, философ, надумаешь опять сбежать, возьми телефон, а то у Савелия будет... как ты говоришь? Какой диссонанс?

– Когнитивный, – подсказал Федор.

– Во-во, он самый. Разрыв шаблона.

Они пили коньяк, вспоминали всякие смешные случаи из жизни и смеялись. Они были рады, что снова вместе. Капитан, обычно не выбирающий выражений, был тактичен и сдержан, что давалось ему с трудом. Больше всего ему хотелось спросить:

– Ну и какого черта ты валял дурака? Что случилось, можешь сказать? Неужели баба? Не ожидал! А еще и философ!

– А что на криминальном фронте? – спросил Савелий. – Коля!

– Как обычно, покой нам только снится, – сказал капитан. – Но ни маньяков, ни ограблений банков. Одна бытовуха. Вам неинтересно, Савелий. Некуда приспособить философию. Вот, например, муж убил любовника, уже арестован, дамочка рвет на себе волосы, рыдает и кается. Мужу светит десятка, жертва – известный бизнесмен...

– А как он узнал? – спросил Савелий.

– Получил анонимку и разобрался. Дурак! Теперь сядет, а супруга на свободе начнет новую прекрасную жизнь. На его бабки.

– А как он его убил?

– Выстрелил два раза, хотя хватило бы одного – первая пуля попала в сердце, скончался сразу. Вторая – в плечо. Прямо в офисе, на глазах секретарши. Шел, как танк, она пыталась его задержать, но он отбросил ее и вломился. Здоровый пьяный мужик с пистолетом. Вызвали «Скорую» и полицию, повязали, он даже не пытался скрыться, не буянил, добровольно сдал оружие.

– Хороший адвокат сумеет отмазать, – сказал Федор. – Года через четыре выйдет.

– Красивая женщина? – спросил Савелий.

– Красивая. Они в городе недавно. Жили лет двадцать за границей, только вернулись. Она уже наняла Пашку Рыдаева, деньги есть, можно не стесняться. А супруг не хочет ее видеть. Имя красивое... сейчас... Агния! Фамилию не запомнил.

Федор вцепился пальцами в край стола...

– Вот так они нас пользуют, – продолжал капитан. – Любовник убит, муж в тюрьме, со всеми разобралась. Как оценить такие жизненные финты с точки зрения философии?

– Разве это философия? – сказал Савелий. – Это несчастье!

– Правда? – удивился капитан. – И кого же тебе жалко в данной ситуации?

– Всех. Любовника, конечно. Может, она просто не успела уйти к нему... Он женат?

– Женат, двое детей. Жена заявила следователю, что убьет эту суку. И вполне может, она женщина строгая. Говорят, они дружили семьями... Если у тебя, Савелий, есть друг дома, то, мой тебе совет, немедленно кончай эту бодягу, потому что добром она не кончится. Сколько верных друзей уводили твою женщину, сколько жен соблазняло верных друзей! Хочешь дружить – дружи, а в дом не води. Я бы нашего философа и на порог к себе не пустил! Ирка от него без ума... Да и твоя Зося.

– Ты, Коля, как-то не так все воспринимаешь, – пробормотал Савелий. – Существует мораль, не все готовы... – он запнулся. – При чем тут моя Зося?

– Готовы все! – Капитан хлопнул ладонью по столу. – Девяносто процентов бытовухи из-за них.

– Федя! – воззвал Савелий. – Скажи ему, домострой какой-то... Федя? Что с тобой?

Федор сидел с закрытыми глазами.

– Ты ее знаешь? – осенило капитана. – Эту бабешку? Агнию? Федор!

– Знаю.

Капитан и Савелий переглянулись.

– Это из-за нее ты слинял на озеро? – ткнул наугад капитан.

Федор не ответил.

– Так это что же получается, – вел дальше капитан. – Она что, отказала тебе?

– Не отказала, – сказал вдруг Савелий. – Федя встречается с ней...

– Чего? Встречается? – не поверил капитан. – В каком смысле – встречается? А любовник, которого замочил муж? С ним тоже встречается? Федор!

– Мы были когда-то знакомы, еще в институте, – сказал наконец Федор. – Встретились случайно, в августе... Савелий прав.

– Ну и..? – подтолкнул капитан, стора от любопытства. – Дамочка хоть стоящая? Так это что же получается? Она замутила сразу с двумя?

– Коля... – предостерегающе произнес Савелий.

– Мы стали встречаться, но потом...

– Она тебя бортанула! – догадался капитан. – И спуталась с другом дома. Ну, Федор, считай, повезло. Скажи спасибо.

Федор поднялся.

– Федя, не уходи! – пискнул Савелий.

Федор поднялся, взял шляпу и, не прощаясь, пошел к выходу.

Савелий укоризненно посмотрел на капитана.

– А что я! – зарычал тот. – Что я такого сказал? Слава богу, что она его... скажешь, не правда? Не узнаю философа, какой-то квелый стал, разнюнился... неужели *чувство*? – Последнее слово капитан произнес с отвращением.

– В жизни каждого человека наступает момент, когда приходит любовь, – сказал печально Савелий.

– Ой, только не надо! – фыркнул капитан. – Какая, к черту, любовь? Скучающая бездельница, а тут весь из себя... э-э-э... профессор! – Капитан хотел ввернуть неприличное словцо, но в последний момент удержался, щадя чувства Савелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.